

A decorative gold border with a repeating floral pattern surrounds the text. Above the name are two parallel horizontal lines, and below it is a horizontal line with a central ornate flourish.

Н.С. ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Аскалонский злодей

Содержание

#1	0005
Глава первая	0007
Глава вторая	0015
Глава третья	0022
Глава четвертая	0026
Глава пятая	0033
Глава шестая	0045
Глава седьмая	0049
Глава восьмая	0055
Глава девятая	0060
Глава десятая	0067
Глава одиннадцатая	0074
Глава двенадцатая	0080
Глава тринадцатая	0086
Глава четырнадцатая	0092
Глава пятнадцатая	0097
Глава шестнадцатая	0100
Глава семнадцатая	0107
Глава восемнадцатая	0110
Глава девятнадцатая	0114
Глава двадцатая	0119
Глава двадцать первая	0127
Глава двадцать вторая	0129

Николай Лесков
Аскалонский злодей
Происшествие в Иродовой
темнице
(Из сирийских преданий)

Мужчина, любви которого женщина отказывает, становится диким и жестоким.

Лукреций

Наши отдаленные предки в припадках любви не довольствовались вздохами или золотом, как это принято теперь, а они доходили до жестокой борьбы, в которой те и другие падали мертвыми, – будь это для уничтожения сопротивления одной женщины или для удаления соперника. Их грубая любовь, на наш современный взгляд, есть карикатура любви.

Ц. Ломброзо

В Сирии, на восточном берегу Средиземного моря, севернее Газы и южнее Азота, стоял город Аскалон, которого нынче нет. По-еврейски он назывался Джора. Аскалон, или Джора, был основан в глубокой древности филистимлянами и разрушен турецким султаном Салладином. В долгий век этого города ему пришлось быть языческим, христианским и мусульманским. В один из этих периодов или, лучше сказать, в один из переходов от одного

положения к другому там случилось следующее характерное происшествие, отмеченное отчасти в писаниях Евсевия из Аскалона.

Глава первая

В то время, как в Аскалоне устанавливалось христианство, жил там один богатый купец-корабельщик, по имени Фалалей. Он узнал об учении Христовом в чужих краях и захотел ему следовать, но нехорошо его понимал, – жена же его, по имени Тения, еще оставалась в язычестве. Оба супруга были в цветущей поре жизни: Фалалей имел тридцать пять лет, а жена его Тения двадцать четыре года. Фалалей был отважный и искусный мореходец, а Тения обладала замечательною женскою красотою и превосходною кротостью доброго характера. Ласковое обхождение Тении с людьми делало эту женщину приятною для всех, кто ее знал, и все аскалонские граждане, которым было известно это супружество, считали их за людей, достойных уважения, и притом почитали Фалалея-морехода человеком необыкновенно счастливым через то, что он имел жену, исполненную всех телесных и душевных изяществ.

Тения происходила из семейства, которое пользовалось почетною известностью: отец

ее, Полифрон, был языческий жрец, имевший хорошие познания в науках и непреклонный нрав, повинувась которому, незадолго перед этим сделался жертвою переходных порядков при царе Иустиниане и жене его Феодоре. Тения получила в доме отца хорошее воспитание и по тогдашнему времени могла считаться женщиною отлично образованною для жизни в обществе, при хороших достатках: она была бережливая и старательная хозяйка и обладала приятным искусством прекрасно петь и играть на многострунной арфе. При этом ей также не чужд был дар стихотворства: она могла очень быстро слагать в уме своем те самые песни, которые пела.

По красоте и по стройности жены корабельщика, а равно как и по приятности ее нрава и обхождения ей не было равной в Аскалоне и все называли ее здесь не иначе, как «изящная Тения».

Супруги жили в полном между собою согласии, в наследственном доме, при котором был обширный сад с фруктовыми деревьями: сад этот, доходивший до самого берега моря, давал в знойные дни тень и прохладу. Семья

у Фалалея и Тении была не велика: они имели только двух маленьких детей – сына, по имени Витт, и дочь, которую звали Вирина. Еще с ними же вместе в одном доме жила мать Фалалея, старая вдова, по имени Пуплия, которая посещала со своим мужем Византию и Рим и, подобно сыну, тоже приняла христианство, но тоже нехорошо его понимала.

Дом Фалалея и Тении был один из самых красивых в Аскалоне. Он был просторен и светел и содержался в отменной чистоте. В глубине отененного двора был помост из пахучего дерева, где в самый пеклый зной мирно и тихо играли Витт и Вирина под надзором бабы их Пуплии. Весь двор окружали резные колонны из того же пахучего дерева; резные двери были украшены жемчугом и бирюзой, а окна завешаны пурпуром и индийскими вышивками, а посередине бил фонтан прозрачной и свежей воды. Но главное богатство Фалалея состояло не столько в доме, как в десяти больших кораблях, на которых он возил сандал, камфору, мушкатный орех и иные продукты и товары в Александрию и к

другим известным тогда портам Востока. Торговые дела шли у Фалалея очень удачно, но неверно понятое христианство не изменило его языческих взглядов, а излишнее богатство сделало его безрассудным: так, чем он больше богачел, тем сильнее увеличивалась в нем алчность и ему хотелось иметь еще более золота, и казалось, будто это непременно так и нужно.

Такая жадность мужа к богатству причиняла кроткой Тении большое беспокойство и она не раз предостерегала Фалалея, чтобы он не поддавался этой страсти и жил спокойнее, потому что и того, что он уже успел приобрести, было довольно для жизни без нужды и лишений, но Фалалеи не хотел послушаться Тении, и в жажде новых добытков он все продолжал доверяться непостоянному морю, лишь бы только разбогатеть еще более, так чтобы богаче его уже не было никого в Аскалоне. Напрасно Тения указывала ему и на то, что желание большого богатства не только не отвечает учению избранной им христианской веры, но даже запрещено ею, – ничто это не останавливало Фалалея. Напоминание о

христианской вере даже заставило мореходца рассердиться на останавливавшую его благо-разумную жену, и он сказал ей:

– Ты никогда не должна говорить мне об этом.

– Почему ты это мне запрещаешь?

– Потому, что ты, выросшая в язычестве и в нем пребывающая, не можешь понимать христианскую веру и не в состоянии рассуждать о ней как должно.

– Я знаю одно, что ваш Учитель просил делать добро и не собирать богатства. Фалалей отвечал:

– Да; ты знаешь одно, но не знаешь другого. В нашей вере есть то, что тебе непонятно: чтобы быть добрым, надо иметь чем людям помогать: я хочу быть не только кроток, как голубь, но и разумен, как змей. Я наживаю богатство и хочу иметь еще более – это все правда; но это вовсе не с тем, чтобы кичиться богатством, как делают ваши язычники и вообще гордые люди, а я богатею с тем, чтобы, собрав много в своих руках, потом излить это на всех и начать благотворить своим по вере. Поверь, что когда в моих руках соберется

столько богатства, что все будут беднее меня, тогда я сумею быть более добрым, чем могу сделать теперь, а ты лучше не мешайся не в свое дело и не осуждай меня за то, что я хочу быть очень богатым.

Тения умолкла, но оставалась при своем мнении, а Фалалей, почитая слова жены за пустое, продолжал все изыскивать новые способы для расширения своей торговли: он умножил свою флотилию даже до тридцати кораблей и снял во всех портах всю торговлю сандалом, камфорой и мушкатным орехом. Некоторое время дело у него шло хорошо, но раз случилось дурно; Фалалей, кроме камфоры и сандала, набрал много других драгоценных товаров у посторонних торговцев, нагрузил все это на свои корабли и поплыл в море. Сначала плавание было благоприятно, но когда корабли Фалалея проходили против Кирены, вдруг поднялась ужасная буря и двадцать девять из кораблей Фалалея утонули со всеми бывшими на них товарами и мореходцами, и только один, тридцатый, на котором шел сам Фалалей, спасся с остатками груза. Корабль этот был сильно испорчен и не мог идти да-

лее: он имел порванные паруса и поврежденные снасти, и в таком виде повернул назад к Аскалону.

Обратное плавание тоже было тяжелое, но, однако, корабль уже приближался к Аскалону и, вероятно, вошел бы в Иродову пристань, но тут-то именно вдруг и погиб, сделавшись жертвою злодейского умысла жителей одного близкого к Аскалону селения, лежавшего на самом берегу моря за грядою подводных камней. Жители этого берегового селения зажгли фальшивый огонь, чтобы навести корабль на погибель, и достигли этого с полным успехом. Расшатанный корабль Фалалея, как ударился о первый камень, так и расселся, а сторожившие этот случай селяне тотчас же подоспели на легких челнах и прикончили плывших и моливших о помощи корабельщиков ударами весел по их головам. Переколотив всех людей, поселяне расхватали остатки товаров и, после драки между собою, увезли, кто что успел взять, в свои хищничьи жилища.

При этой схватке Фалалей мужественно защищался, но упал, раненный, с борта в море и плыл, теряя последние силы, к одному из

усмотренных им в темноте челноков. На этом челноке он видел необыкновенно большерослого, полуголого человека с красным платком на голове и надеялся получить от него помощь и защиту, но ошибся. Человек этот тоже был грабитель, и держал в одной руке горящий факел, а в другой тяжелый багор. Когда Фалалей к нему подплыл и взмолился к нему, помянув имя Христово, злодея не тронула эта мольба: он осветил утопающего факелом и, махнув багром, ударил им Фалалея по голове. Затем для Фалалея сразу все кончилось – и усталость, и страх, и страдание, и заботы нажить больше всех в Аскалоне, чтобы потом благотворить из богатой наживы и сделаться добрым.

Глава вторая

Несмотря на смертельный удар, полученный Фалалеем, он, однако, не утонул. Неожиданным и удивительно счастливым случаем он прицепился одеждой за гвоздь плывшего сломанного руля, который его и потащил на себе. Морские волны прибили руль, а на нем окровавленного и едва живого Фалалея к «Иродовой пристани», которая называлась так потому, что ее устроил в Аскалоне царь Ирод Великий. Грузовщики, работавшие на судах в Иродовой пристани, заметили бесчувственного человека, плывшего на сломанном руле, и вытащили Фалалея на берег. Они сняли его как мертвеца, надеясь найти на нем что-нибудь ценное, но потом увидели, что это их согражданин Фалалей-мореходец, и удивились. А как в нем еще были заметны признаки жизни, то грузовщики сняли его и стали его трясти и подбрасывать, чтобы он очнулся, а в то же время послали отрока к нему в дом за его матерью Пуплией и за женою его Тениею, и за детьми их Вириной и Виттом.

Фалалей очень счастливо прицепился за руль, так что голова его все время была наружи, – от этого только он не захлебнулся и не наглотался соленой воды через меру, так что его скоро удалось привести в чувство.

Когда изящная Тения и старая Пуплия с Вириной и Виттом прибежали в Иродову пристань, то Фалалей уже открыл глаза; он сейчас же узнал жену и своих малолетних детей, и бабу их Пуплию и горько заплакал. Фалалей сразу понял свое положение и, обратясь к жене, сказал ей:

– О, я вижу теперь, как ты была права, добрая Тения! Но для чего я не слушал тебя в свое время? для чего я так упорно желал иметь много богатства? Вот теперь я и наказан за то, что я не знал сытости и хлопотал иметь больше прочих. Отныне мы нищие и я не в силах буду сделать ничего доброго людям, о которых я, по правде сказать, думал гораздо менее, чем о том, чтобы быть всех знатнее по своему богатству и уделять бедным только крупичицы.

Тения на это отвечала мужу кротко:

– Я говорила тебе ранее то, что тогда вну-

шало мне справедливое сердце, но теперь скажу другое: не сокрушайся о том, что потерял нажитое богатство. Мы еще имеем глаза, чтобы видеть, и руки, чтобы ими трудиться: мы можем достать хлеб и кров для наших детей трудами рук наших. Ведь этак живут еще очень многие люди на свете.

Фалалей ободрился и, взяв Тению за руку, сказал:

– Ты права; голубка, витающая в душе твоей, могла бы одолеть моего змея, если бы дело шло только о нашем богатстве, но я погубил тоже и много чужого. Этого не простят мне.

– Ну, что делать, – отвечала Тения.

Перенесенный в свой дом, Фалалей, вероятно, скоро бы там выздоровел, но ему не привелось наслаждаться домашним покоем при заботах жены. К нему тотчас же пришли купцы, доверившие ему в долг товары, и стали требовать с него уплаты денег.

Фалалей отвечал им:

– Вы себя и меня напрасно мучите: или вы не видите, что я разорен совершенно и не могу ничего заплатить вам?

Купцы отвечали, что они ему не верят и

подозревают, что он их товары где-нибудь продал, а вырученное золото закопал где-нибудь в примеченном месте и потом сам, для отвода, бросился в море.

– Вы меня напрасно подозреваете, – отвечал Фалалей, – все товары погибли; верьте мне – я христианин и лгать не могу.

Но купцы в свой черед ответили Фалалею, что и они теперь тоже стали все христиане, как их император, но что это дела не изменяет, и что, сколько Фалалей им должен за товары, они все это желают с него получить. А иначе, – говорят, – мы возьмем рабов, выставим все, что здесь видим, на базаре и продадим.

Фалалей отвечал им:

– Базарьте.

Тогда заимодавцы привели рабов и велели им при себе же взять все, что было в доме у Фалалея, и вынести на базар, а семью его из обобранного дома выгнали и самый дом заперли большим замком и ключ отдали известному в Аскалоне доимщику Тивуртию, с тем, чтобы он этот дом продал и вырученные деньги поделил между всеми, кому Фалалей

должен.

Доимщик Тивуртий был человек страшный: лицо имел дряблое и скверное, цвета вареного гороха, и совсем безволосое, глаза черные, веки валиками, все тело мягкое и напряженное, а ходил тихо, как кот. Он взял и продал Фалалеев дом богатому трактирщику Эпимаху, который и открыл в покоях и в садах Фалалея корчемницу и веселый притон для иностранных мореходцев; а деньги, которые были выручены за продажу дома, Тивуртий разделил между теми, чьи товары потопил Фалалей, постольку, поскольку пришлось в разделе на каждого, и себе взял положенную часть за доимку. Но, однако, всего, что Тивуртий выручил через продажу дома, было слишком недостаточно для того, чтобы покрыть и половинную долю того, что пропало на Фалалее.

Тогда искусный доимщик Тивуртий, который был тем известен, что умел донимать с должников все до последней капли, сказал:

— Что хотите мне дать? Я еще попытаюсь больше взыскать. Дело не может быть так, как Фалалей уверяет. Я полагаю, что не все ва-

ши товары пропали в море, а что Фалалей их где-нибудь продал на островах эгеянам, таким же, как сам он, коварным и тихим, а вырученное золото он где-нибудь спрятал. Это только и надо узнать, а спрятал он его, наверное, где-нибудь там же, на тех далеких островах, под известным ему деревом или камнем. Дайте мне во всем большую часть против положения и я возьму Фалалея в темницу и стану его морить в неволе. Так я все вам и себе выручу, – закончил доимщик Тивуртий.

Купцы, услышав такие слова от опытного доимщика, все между собою переглянулись и, перетакнувшись, отошли в сторону и сказали друг другу:

– Что же еще размышлять? Ведь вправду Тивуртий предлагает нам хорошее дело: он лучше нас знает все хитрости мореходцев, и если Фалалей промотал наши товары и золото скрыл, то Тивуртий доймае его в темнице и получит наш долг с Фалалея. Пусть только Тивуртий держит его в темнице не на нашем, а на своем хлебе.

И отдали купцы друга своего корабельщика Фалалея для правежа и доимки на всю во-

лю опытному и жестокому доимщику. Тивуртий же доимщик пошел к себе домой, взял из окованной, большой скрины серебряный пояс дорогой цены под полу и пошел с ним к градоправителю аскалонскому и стал просить его, чтобы он посадил Фалалея в Иродову подземную темницу, а дорогой чеканный пояс дал ему в поминку и вперед сделал посул дать ему еще более ценную вещь, лишь бы сейчас позвал на очи темничника Раввула и повелел ему томить Фалалея всячески, как только захочет доимщик Тивуртий.

Градоправитель принял пояс и исполнил просьбу Тивуртия: он послал городских стражей с приказом взять и перенести больного Фалалея в Иродову темницу, полную гадов, и отдать его темничнику Раввуле, а Раввула бросил его там на гнилой тростник между страшных злодеев, и запер, пока он заплатит все, что имеет право взыскивать с него доимщик Тивуртий.

Глава третья

Иродова темница в Аскалоне была посреди города, на главном базарном месте. Она была рытая в земле, вроде очень большой погребной ямы, и подведена столбами и сводами из сырых камней, а сверху присыпана землей тоже так, как погребница. Снаружи ее и отличить было трудно. Казалось, будто это простой земляной холм. Тут же на этой насыпи шел всякий день торг. Тут били людей на правеже воловьими жилами и тут же сидели с ночвами и с лоханями аскалонские рыбаки, предлагавшие живую рыбу, и торговки, продававшие: хлеб, овощи и рыбацьи снасти. В откосах насыпи были пробиты и очищены крепкими железными решетками две узенькие отдушины, через которые, впрочем, внутрь подземелья едва проникал самый слабый свет и проходила самая скудная струя воздуха, и порою достигал отдаленный гул рынка.

В этой аскалонской темнице, выкопанной при Ироде, сидело очень много разноплеменных людей и все они страшно томились тут

от тесноты, голода, жажды и недостатка дневного света и воздуха. Свет солнечный едва доходил сюда на минутку косым лучом через одно узенькое окошечко, а солнечная теплота совсем сюда не проникала, отчего сырость была несказанная и проникала тела заключенных. В этой общей яме были тесно сбиты вместе и злодеи-душегубцы, и воры, и неплательщики. Все они были лишены всякой свободы движения. У одних ноги были заколочены клиньями в деревянные колоды и эти сидели вовсе неподвижно, а на других были наложены тяжелые цепи, производившие терзательное лязганье при каждом движении рук и ног; те же, которые были пойманы на разбоях и убийствах и подлежали смертной казни, око за око и зуб за зуб, – эти были прикованы к стене тройными цепями за ноги, за руки и за шею. Логовища этих бесстрашных злодеев были в самом заднем отделении, в узких и совершенно темных впадинах, вырытых в глине. Все заключенные в Иродовой темнице люди, где сидели, там же и спали, и тут же они и пили, и ели, и отправляли все свои телесные нужды. Здесь их посещали дру-

зья и родные, и жены. Обычаи были так суровы и просты, что случалось нередко, что жены людей, заключенных в этой Иродовой темнице, посещая мужей своих, становились снова матерями новых детей... Такова была эта ужасная Иродова тюрьма в Аскалоне, в которую доимщик Тивуртий заключил Фалалея, мужа Тении и отца Вирины и Витта.

В то же время, как был посажен в эту тюрьму Фалалей-корабельщик, за несколько дней ранее в эту самую яму, и притом в самой темной ее впадине, был помещен и прикован на пять цепей за руки и за ноги, и за шею береговой злодей, по имени Анастас-душегубец. Он был известный разбойник. Он грабил и лишил жизни много людей. Всех убитых им на суше и на море считалось сорок душ. Он давно вооружил против себя всех людей в Аскалоне и все аскалонцы радовались, что Анастас, наконец, пойман, и ожидали его казни.

Для произнесения суда над Анастасом должен был вскоре прибыть из Дамаска важный сановник, по имени Милий, при котором злого Анастаса и должны были казнить мечом всенародно посреди Аскалона.

Рядом с тою впадиной, в дальнем конце темничной ямы, где был прикован злодей Анастас, находился тесный лаз еще в особую низкую глиняную ямину, по названию «прокаженную». Она называлась так потому, что здесь некогда сидел человек бесноватый и прокаженный, который неустанно злословил царя Ирода, и за то здесь и умер в заточении. С той поры в эту прокаженную нору никто не входил, потому что и сам страж темничный; бесстрашный Раввула, боялся прикоснуться к глине, на которой сидел и о которую терся прокаженный. Ямину эту, однако, не заваливали, потому что в ней была другая продушина, которая была необходима, чтобы не задохнулись невольники.

Глава четвертая

В аскалонской Иродовой темнице давали скудную пищу от подаяний только тем из невольников, у которых не было ни родни, ни друзей, а должникам и тем, у кого были какие-нибудь родные, хотя бы и самые бедные, темничник Раввула никакой пищи не давал. Об этих узниках должны были заботиться те, кто их посадил, или их близкие родственники, которые и приносили сюда невольникам то, что могли. Поэтому и корабельщика Фалалея должны были питать жена его Тения или Тивуртий, но Тивуртий сказал:

– У Фалалея есть жена; она молода и надедена от природы большою красотой: пусть она его кормит.

Тении это с одной стороны было приятно, потому что, принося пищу мужу, она могла его видеть и после с ним оставаться до вечера, но зато надо было добывать ему пищу, а это возлагало на Тению заботы, которые были для нее очень затруднительны.

Бедная Тения одна должна была заботиться о том, чтобы добывать деньги для пропита-

ния себе, мужу и двум своим детям Вирине и Витту, да еще старой бабке их Пуплии, которая в это время была уже немощна и не в силах была работать, а только смотрела за внуками. Тения же, как дочь жреца, выросла в довольстве и неге, — ее голову заплетали невольницы и они же навевали на нее с вечера сон, а утром к вставанию будили ее легким ласканием ее ступней. Вообще она была не приучена исполнять какие бы то ни было тяжелые работы. Она была научена только изящным искусствам, в которых никто не нуждался, но она теперь только ими и старалась находить заработок. Так как она всего лучше умела играть на многострунной арфе и притом имела дар быстро слагать и петь приятным напевом стихи своего сочинения, то она стала ходить в свой бывший виноградный сад, где теперь под узорными шатрами, раскинутыми Эпимахом, в прохладной тени деревьев и ползучих гроздий, собирались заезжие в Аскалон чужестранные мореходцы. Хозяин этих шатров, видя, что Тения прекрасна собою и может нравиться его гостям и наружностью, и игрою, и пением, позволял ей

садиться среди пирующих мореходцев и ставил перед нею кубок вина, к которому она, впрочем, не прикасалась устами, потому что велико было съедавшее ее горе и она позабыть его не хотела.

Для увеселения пирующих мореходцев Тения все ночи насквозь играла на своей арфе и пела, сама тут же составляя из собственных слов своих песни, из которых иные были очень трогательны и нередко достигали до сердец слушателей и смягчали их грубые порывы. Корабельщики, слушая игру и песни Тении, были довольны тем, что видели перед собою прекрасную певицу, и давали ей монеты, с которыми Тения потом уходила на рынок, – покупала здесь лучшей пищи для детей и для мужа, и для его матери Пуплии, а для себя уснувшую дешевую рыбу. Обе эти женщины, Тения с Пуплией, и находившиеся при них дети, Витт и Вирина, ютились теперь за городом в убогом шалаше, смазанном из тростника и илистой грязи.

Занятие арфистки и певицы, которое поневоле избрала Тения для пропитания семьи, не было, однако, для нее ни легко, ни приятно,

потому что с растерзанным сердцем ей трудно было забавлять игрою и пением праздных и часто нетрезвых людей; но, не умея делать ничего другого, что могло бы дать ей заработок, Тения безропотно покорялась необходимости и несла свою долю, не обнаруживая своего страдания перед мужем. Между посетителями виноградных шатров встречались и такие, которые не довольствовались песнями, а не раз делали Тении предложения продать им за золото свои ласки. Тения не обижалась, ибо понимала, что теперь все могут почитать ее сходною на такое дело, и отвечала спокойно и скромно:

– Неустрашимые и добрые люди, я продаю только то, что предлагаю: я играю на арфе и пою мною сложенные нехитрые песни. Я пою и играю потому, что я не умею делать ничего другого, а должна питать детей и мужа. Слушайте мою игру и да минует вас и всех, кто вам дорог на родине вашей, всякое горе.

Корабельщики, получая такой скромный ответ, стыдились оскорблять Тению своими приставаниями, но содержатель шатров Эпимах был ею за то недоволен и говорил ей:

– Ты очень красивая, но совершенно безрассудная женщина: или ночи наши, на твой взгляд, не довольно темны, а сикоморы мои не молчаливы? Зачем ты не отходишь ни с одним, кто тебя кличет, в отдаленье к берегу моря? Там с глазу на глаз с ним ты могла бы спеть ему что-нибудь сладостней песни о горе, и в поясе у тебя зазвенело бы крупное золото, а не ничтожная мелочь. Ты и себя, и меня лишаешь хорошего дохода.

Тения отвечала, что она получает довольно, и отходила от Эпимаха, стараясь выкинуть из памяти этот неприятный ей разговор. Эпимах же добивался другого, – он хотел услужить своим гостям и был очень недоволен Тениею. Он желал бы видеть на ее месте в своих садах певицу, более благосклонную к исканиям его веселых посетителей. А мореходцы, как бывалые люди, ему рассказывали о том, каких угодливых певиц они встречали в садах Александрии и Дамии, а Эпимах с укоризною сообщал эти рассказы Тении, но она ничему этому не хотела внимать.

Тения разделяла свое время так, что утром она мыла и чинила носильную ветошь, какая

осталась на ее детях после изгнания из дома, и услуживала бабке их, старой и изнеженной Пуплии; потом шла на рынок и покупала горсть сухой чечевицы и щетинистого угря, или другую дешевую рыбу, варила ее с луком у варильщика при общем очаге и к полудню несла эту похлебку в темницу мужу. Из темницы родственников заключенных не выгоняли и Тения оставалась с Фалалеем до самого вечера, когда, при заходе солнца, входил с бегемотовою жилой в руке темничник Раввула и, выгнав всех посетителей вон, закрывал на засовы двери темницы. Тогда изящная Тения вставала и шла в шатры своего бывшего виноградного сада и там играла на арфе и пела до тех пор, когда восходящее солнце напоминало гулякам о нужде и заботах вновь наступавшего дня.

Так прошло несколько месяцев после заключения Фалалея, и телесные силы Тении стали подаваться, и красота ее начала меркнуть. Происходило это сколько от горя, столько же от нового образа жизни, не отвечавшего ни ее здоровью, ни ее целомудренным навыкам; однако же, несмотря на это, Тения

оставалась твердою в своей непреклонности и слишком прекрасною для того, чтобы непреклонность ее не казалась досадительною, а красота слишком привлекательною, и все это продолжало возбуждать порочные искания, которые и подготовили, наконец, чрезвычайно тяжелое и большое испытание для добродетели Тении.

Вышло так, что по этому поводу в Иродовой тюрьме в Аскалоне произошли события, отмеченные весьма кратко, но по ужасу своему достойные долгой памяти и сострадания.

Глава пятая

Вскоре после того, как Фалалей был заключен в Иродову темницу, из Дамаска прибыл в Аскалон ожидаемый для суда над Анастасом-злодеем именитый ипарх, по имени Милий. Он был прислан не только затем, чтобы осудить Анастаса, но также чтобы заодно осмотреть, как управляет областью аскалонский правитель Димас, и раздать подаяние, которое прислала через него в Аскалон от щедрот своих Феодора.

Обходя аскалонскую темницу, Милий остановился перед впадиной, где был прикован пятью цепями безжалостный Анастас-разбойник, и когда темничник Раввула осветил факелом Анастаса, то Милий удивился, увидев его ужасное лицо, – так сильно и резко изображалось на нем беспощадное свирепство разбойника. Тут Милий не удержался и воскликнул вслух:

– О, как он подл и противен! Клянусь, что я никогда не встречал на свете ничего более злого и омерзительного, как эти его косые глаза и эти вразлет идущие густые брови!

Земля с нетерпением должна ждать минуты, когда этот безжалостный зверь перестанет дышать ее воздухом и тяготить ее своими ногами. Впрочем, я об этом как можно скорей постараюсь.

Злодей же Анастас, услышав, что проговорил о нем Милий, запрыгал на месте и, тряся от гнева цепями, закричал на ипарха:

– Я тебе мерзок а может быть, сам ты и еще меня хуже. Твое ли дело, злая душа, надомной насмехаться? Жалею, что я не повстречал тебя раньше, и не здесь, где ты на свободе, а я крепко прикован цепями: иначе я посмотрел бы, что красней – твоя кровь или твоя пурпурная тога? А теперь будь ты проклят!

Прокричав это неистовым голосом, Анастас так страшно ударил о стены своими цепями, что все другие невольники вздрогнули и сжались в страхе, а стражник Раввула и воины, сопровождавшие с зажженными факелами вельможу Милия, окружили его, чтобы страшный вид Анастаса его не тревожил. И тут-то, при дрожащем свете этих факелов, встревоженный взгляд благообразного Ми-

лия. пал на лицо изящной Тении, которая в страхе за судьбу Фалалея старалась закрыть его своим станом. Милий же был большой сластолюбец, и изящный облик Тении сразу ударил его в страстное сердце, так что он остановился и обратился к сопровождавшему его отроку, скорописцу Евлогию, и сказал ему тихо:

– Открой скорее кису присланных с нами доброхотных даяний. Здесь я вижу перед собой христианку, на лице которой читаю ее невинность. Наверное, она страдает напрасно по языческой злобе, и я хочу облегчить ей участь во славу величайшей в женах императрицы Феодоры.

Отрок Евлогий потянул шнуры кожаной кисы, в которой лежали деньги, назначенные для раздачи христианской милостыни заключенным, а Милий обратился к Тении и сказал ей:

– Приблизься, прекрасная христианка, возьми себе помощь и скажи нам скорее: за что ты томишься? Я уверен, что ты страдаешь напрасно, и кто тебя заключил в эту темницу, тот сам недостоин свободы.

– Ты ошибаешься, благородный господин, – отвечала Тения, – я не христианка, – я дочь жреца Полифрона и держусь старой веры.

Милий смутился и отвечал ей, что он сожалеет, зачем она сказала ему, что она язычница.

– Теперь, – молвил он, – я не могу оказать тебе помощь, какую имел желание сделать, – и при этом он удержал своею рукой руки Евлогия скорописца, распускаявшего связки кисты, где хранилось золото, присланное для раздачи новым христианам.

Тения же, услышав это сожаление Милия, не обнаружила никакой особой, усиленной тревоги и сказала ему спокойно:

– Разве для Феодоры и для твоего милосердия не все равно оказать помощь тому, кто в ней нуждается?

– Нет, – отвечал Милий, – мы должны помогать прежде своим по вере, а потом чужезверным.

– В таком случае, помоги моему мужу и детям, – они все вашей веры.

Милий обрадовался.

– Если муж твой и дети той веры, которой

теперь отдают высшие люди высший почет в Византии и в Дамаске, то тогда совесть моя позволяет мне оказать тебе помощь. Подойди же сюда и возьми по монете для каждого из кисы добрых даяний.

Тения отвечала:

– Господин, мне некстати опускать самой руку в мешок: я питаюсь сам-пять, – повели, чтобы отрок твой дал мне, что определит твоя щедрость.

Милий велел отроку дать ей десять цехинов, а потом спросил у нее:

– Какое ты сделала зло, или чем проступилась против закона?

– Милосердное Небо до сего дня хранило меня от злого деяния, – ответила Тения.

– Ты, может быть, судишь так по своей языческой совести и тебе только кажется, будто ты не сделала ничего преступного.

– Нет, я и в самом деле не сделала ничего преступного.

– В таком разе за что же тебя лишили свободы и держат в этой душной и страшной темнице?

Тения отвечала вельможе, что она вовсе

не невольница и свободно может приходить сюда и выходить отсюда, а сидеть здесь, в этой душной и страшной темнице, ее побуждает сострадание и любовь к мужу, который тут заключен и томится за то, что он не может заплатить денег купцам, доверившим ему свои товары.

– Когда же ты надеешься выкупить своего мужа?

– Я не имею на это никакой надежды и только делаю то, что могу: я приношу ему пищу и стараюсь его утешать и поддержать в нем бодрость.

– Мне кажется, ты могла бы сделать для него гораздо больше, чем это.

– Ах, яви свою милость, научи меня, что я могу сделать, чтобы возвратить свободу Фалалею, и ты увидишь, что у меня не окажется недостатка в решимости и твердости: я исполню все, что для этого нужно.

– Нужна только одна твоя решимость.

– В таком случае, это уже сделано. Не медли же, говори как можно скорей и понятней, чтт я должна принести счастью семьи моей в жертву? Жизнь мою?

– Нет.

– Так что же? Умоляю тебя, не мучь меня и говори мне от раза.

– На какую сумму простирается долг твоего мужа? – спросил Милий, лаская взором изящную Тению.

Тения отвечала ему по правде, сколько Тивуртий и купцы исчисляли долгу на корабельщике. Это составляло очень значительную сумму.

Милий был вельможа богатый, но скупой, и притом сумма Фалалеева долга и для его больших средств была не ничтожна, а потому он сказал:

– Муж твой, к сожалению, должен очень много! – и Милий отошел от Тении и стал двигаться дальше к выходу, но в это самое время к нему приблизился доимщик долгов, хитрый старец Тивуртий, который был чрезвычайно искусен на то, чтобы делать всякие сделки, лишь бы донять что-нибудь с содержащихся неплательщиков. Увидав, что Милий ласкается к Тении, Тивуртий сейчас же сообразил, что этим можно воспользоваться, и прошептал вельможе на ухо:

– Долг мужа красивой женщины, которая сейчас имела счастье внушить твоему вельможеству высокое сострадание, очень велик, но она ведь не знает, что весь этот огромный долг может быть сильно понижен. Я здешний доимщик Тивуртий, – мне известны все дела в Аскалоне, и я знаю, что надобно сделать, чтобы все вышло, как ты желаешь.

Милий остановился, а Тивуртий продолжал ему говорить:

– Поверь, что слова мои так же точны и верны, как верно и то, что женщины красивей и изящней Тении не легко отыскать во всех городах, которыми правит благословенная власть Феодоры, с которою, – мог ты заметить, – Тения, кажется, схожа.

Милий же, вместо того, чтобы обидеться теми словами, с которыми подошел к нему Тивуртий, забыл и свой сан, и свое положение в темнице среди заключенных, а продолжал любоваться издали красивыми линиями стана жены корабельщика, а Тивуртий, заметив это, сделался еще более смел и прошептал:

– Ты посмотри: слова нет, что Феодора пре-

красна, и все говорят, будто в землях, Византии подвластных, нет другой женщины, которая могла бы с Феодорой сравниться... но ведь это только так говорят... На самом же деле время не щадит никого, и Феодора нынче уже не та, какой она раньше была, когда ее знали актрисой, – правда, она зато теперь наша царица, и да дарует Всевышний ей многие лета, – но... вспомни, как она нынче поблекла, и посмотри опять на эту стыдливую Тению...

– Зачем эти сравнения? Они обе прекрасны.

– Да, они обе прекрасны, но та ведь на троне, в пурпуре и в венце многоценном, ее плечи и шею ежедневно разглаживают навощенными ладонями молодые невольницы, а египетские бабки обкладывают на ночь ее перси мякишем душистого хлеба из плодов египетской пальмы, а, по, правде сказать, и это все ей уже не помогает: этот душистый египетский мякиш дает персям ее лишь одну фальшивую нежность, но он не может им возвратить их былую упругость... Нет; это минуло... Смотри же, каковы перси Тении, а ведь Тения в горе и в тяжелой нужде, – она в бедном руби-

ще, среди людей, усыпанных всякою нечистью, но и тут ты смотри, как краса ее блещет... Смотри этот царственный взор, эти белые зубы, и особенно эти перси, которым не нужен египетский мякиш...

– А до какой суммы можно уменьшить долг ее мужа – нетерпеливо волнуясь, перебил речь доимщика Милий.

Тивуртий сразу же сбавил целую треть долга, а когда заметил, что Милий еще находится в нерешимости, то сказал вкрадчиво:

– Однако, я вижу, что ты очень тронут судьбою этой несчастной, и чтобы сделать тебе приятное и заслужить себе наперед твою благосклонность, я постараюсь склонить всех купцов, чтобы они уступили тебе долговые права на Фалалея не за две, а всего за одну треть того, что он им действительно должен. Не колебайся далее и повели быть этому так, как я предлагаю. Пусть Тения будет тебе обязана счастьем и постарается быть тебе благодарной.

Милий ему отвечал:

– Хорошо, я согласен, – благодарность ее мне драгоценна, но только я не хочу принуж-

дения. Дай мне сказать еще несколько слов с этою Тенией, красота которой, действительно, не менее той, которая нынче достойно украшает собою престол византийский.

Тивуртий нагнулся к уху Милия и прошептал:

– Она ее превосходит... Феодоре теперь не достичь того, чем обладает Тения... и при этом...

– Что ты хочешь сказать?

– Феодора слишком многим известна.

– Тсс... Ты дерзок.

– Не опасайся... я знаю, чтт я говорю, и сказал только то, что Тения спит как попало, в шалаше, на рогоже, согнувшись и сжимая от холода перси руками, а Феодора покоится, заложив руки под пуховые подушки; но дай Тении ту же роскошь, и как ее стан изовьется, в каких очертаниях!.. О, да ты сам понимаешь, что стыдливость Тении может доставить то, чего не может дать все любовное искусство Феодоры... Ты пылаешь, я вижу, и хотя я стар, но я тебя понимаю.

– Ты прав, красота этой женщины помрачает мой разум, – отвечал Милий, – и, к тому

же, ведь она язычница.

– Да, она язычница, она дочь жреца Полифрона, который убил себя, не желая видеть новых порядков.

– Язычницы ведь свободны располагать собою: они не знают стеснений...

– Да, для них это привычно: они отдавались и Дионису, и иностранцам во славу Изиды. У них свой взгляд на эти вещи...

Милий обратился к скорописцу Евлогию и приказал ему подзвать к себе Тению.

Глава шестая

Услыхав от отрока приказание подойти к его господину, Тения сейчас же встала и подошла к Милию, а тот подал ей с ласковою улыбкой златницу и сказал:

– От взора моего не сокрылось то, чего ты не в состоянии скрыть от всех, кто тебя видит, – ты нестерпимо прекрасна. Знай же, что твоею красотой смущено мое сердце и я готов на многие жертвы, чтобы получить твои ласки. Будь согласна на это – приди ко мне в дом сегодня вечером и останься в опочивальне моей только до утра. За это я дам тебе сколько ты хочешь.

Лицо Тении покрылось румянцем, но она отвечала спокойно:

- За это – я не хочу ничего.
- Я тебе предлагаю пятьсот златниц.
- Ты напрасно будешь предлагать мне и тысячу.
- Две!
- Все равно! – я к тебе не приду.
- Я дам тебе пять.
- Хоть и десять.

– Двадцать тысяч!

– Ты оскорбляешь меня этим торгом; но с тех пор, как я подпала несчастью, я уже привыкла к подобным обидам. Бедность должна много прощать людям с достатком, но любовь моя не продажна: я люблю мужа.

– Ты его и люби, но ведь ты язычница, и по вере твоей тебе нет греха в том, на что я тебя приглашаю. Твой бог Анубис тебя не осудит. Принеси же ему втайне жертву за мужа и возврати ему волю.

– Ты знаешь, что говоришь, – отвечала Тения, – я дочь жреца и брак мой с мужем моим теперь не связан законом. Ты прав, я вольна оставить его и свободна избрать другого по сердцу, но я верна Фалалею потому, что он мил мне, и если я жила с ним в довольстве и счастье, то неужели я покину его в горе? Нет, так не будет, и ты возьми даже эту златницу, которую дал мне, – у меня есть сегодня для всех нас на хлеб и на рыбу.

Ипарх изумился кроткому ответу Тении, но она ему еще более понравилась, и он еще больше распалился желаньем.

– Оставь взятую златницу у себя, – сказал

он, – и вот возьми еще другую и не будь за них мне ничем обязана, но не будь безрассудна и еще поразмысли. Если ты согласишься прийти ко мне, то я еще возвышаю цену: я высыплю к твоим ногам всю кису доброхотных даяний, и тогда ты можешь выкупить на эти деньги свободу своему мужу. Обдумай это, прежде чем захочешь сказать свой ответ мне.

– Ты очень щедр, – отвечала Тения, – и возвысил цену моей красоты до того, что она стала теперь ценою свободы моего мужа, а я язычница и, как ты говоришь, я не имею стеснений, но ты позабыл, что наши женщины ходили в храмы богини Изиды с согласия мужей их, и это не был обман, так и это, о чем ты говоришь мне, касается моего мужа, а потому я должна спросить у него, согласен ли он, чтобы я купила ему свободу этою ценой. Если муж мой будет на это согласен, тогда я... сделаю то, что буду вынуждена сделать. Таков мой ответ, а если хочешь знать, что скажет мой муж, то я сейчас пойду и спрошу его, и что он скажет, то я исполню.

Милию это показалось безумием, но доим-

щик Тивуртий, который стоял недалеко и слышал этот разговор, успокоил ипарха и сказал ему:

– Оставь ее, Милий, пусть она сделает так, как она хочет: мужчины благоразумнее женщин. Эти бывают некстати упрямы, а муж, наверное, даст Тении такой ответ, после которого она придет к тебе и с несмущенною душой отдаст тебе свои ласки. Ты же, ведь, сам не хочешь насилия.

И затем, проводив Милия за двери темницы, Тивуртий подошел к скованному Фалалею и рассказал ему о выгодах ипархова предложения.

Глава седьмая

Заключенный в темнице Фалалей ничего не ответил Тивуртию, но только горько заплакал, а на другой день, дождавшись прихода Тении, обнял ее и опять со слезами стал благодарить ее за ее верность.

– Что же ты думаешь? – спросила его Тения.

– Хотя бы мне суждено было провести бесконечные годы еще в худшей темнице, чем эта, которою выстроил Ирод, и хотя бы мне надлежало умереть в ней без надежды когда-нибудь видеть море и солнце, и милые лица наших детей, то и тогда я предпочел бы вечное это томление в неволе одной минуте твоего позора. Ты можешь поступать как хочешь, но что до меня, то пусть я здесь доживу мою жизнь и умру в этой яме, но ты для моего спасения не отдавай своей чистоты, – в ней твоя прелесть, и в ней моя радость и сила.

Тения обрадовалась, услыша от мужа такие слова, потому что они отвечали ее собственным чувствам.

– Благодарю тебя, – отвечала она, – ты те-

перь укрепил мою душу, и за то я открою тебе, чтт я таила в себе, когда отдавала себя в твою волю. Знай, что если бы ты отвечал мне согласиём, то ты оскорбил бы меня больше, чем все, которые, видя наше несчастье, желают склонить меня торговать своею красотой. Душа моя не снесла бы этого бесчестья.

– Что же бы ты сделала? – спросил Фалалей.

– Если бы ты пожелал, чтобы я отдала себя на ложе этого вельможи, то я бы безропотно исполнила это твое желание, не выйдя из его опочивальни, я отдала бы за тебя выкуп, но не пришла бы к тебе, а бросилась в море.

– О, я так и думал! – перебил Фалалей.

– Но за то я благодарю тебя, что ты сохранил мое сердце, и я могу жить с своими детьми Вириной и Виттом.

Фалалей и Тения оба забыли свое горе и стали так рады, как будто к ним снизошло бесконечное счастье. А так как невольники в аскалонской темнице помещались на соломе очень тесно и ничем не были отделены один от другого, то хотя Фалалей и Тения старались говорить между собою как можно тише, но

разговор их, однако, был услышан соседями и в числе их злодеем Анастасом. Некоторые из заключенных над этим смеялись, а один из них передал слова супругов доимщику Тивургию, который дал за это вестовщику монету, а сам пришел в большую досаду, потому что он видел в искательстве Милия драгоценный случай взыскать долг с Фалалея, а при таком обороте это взыскание становилось безнадежным. Разгневанный доимщик положил себе на уме наказать Тению как можно чувствительнее за ее упрямство, и с этих пор стал употреблять разные меры к отягчению положения Фалалея, чтобы тем вынудить Тению сдаться на предложение ипарха.

Злобный Тивуртий начал с того, что выждал, когда Тения шла из темницы в виноградный шатер; он сейчас же тихо подошел к ней и начал уговаривать ее не отвергать исканий богатого вельможи:

– Что тебе, – говорил он ей, покрывая лукавые глаза свои толстыми веками. – Ты ведь еще в старой вере и можешь не считать себе это за грех.

Тения только покачала головою и ничего

ему не отвечала.

Но Тивуртий не устыдился и не отставал. Он шел за Тенией и рассказывал ей, как Милий знатен и многовластен, и потом, понижая голос и шевеля своими толстыми веками, нашептывал, что ипарх давно бы уехал и для того только медлит произнести суд и казнить Анастаса, чтобы иметь предлог оставаться в Аскалоне, а цель этого одна – достичь одной краткой минуты обладания Тенией, за что он ее так щедро одарит, что она сейчас же может выкупить мужа, а ипарх Милий тогда казнит поскорей Анастаса и тотчас отъедет в Дамаск.

– Так рассуди же сама, как бесполезно упрямство! Все это дело краткой минуты и ты с этим человеком никогда более и не встретишься. Что же за великая важность... подумай! твоя маленькая тайна нигде не разгласится, и верь мне, что и сама ты о ней скоро забудешь, да и время ли будет тебе помнить о том в счастливых объятиях любимого мужа? О, как счастлив Фалалей, что ты его любишь: будь же умна – пожалей Фалалея и принеси для него эту пустую минутную жертву. А я берусь все так устроить, что ты войдешь к Ми-

лию и выйдешь назад ни для кого незаметно: я поставляю теперь для него провизию и часто ввожу к нему в дом рыбака. Я уложу в корзину дыню и цветного зуйка, а ты оденешься молодым рыбаком, обнажишь свои прекрасные ноги и понесешь за жабры в обнаженных руках прекрасного розового мормира.

Но Тения оттолкнула Тивуртия и не захотела поступить так, как он внушал ей, за это доимщик Тивуртий обещал ей погубить все ее семейство. Тения же оставалась непреклонною и несла свое горе, деля время между детьми в шалаше, мужем в темнице и игрою на арфе в шатрах виноградных.

Отказ Фалалея от получения свободы из темницы ценой унижения Тении так сильно ее утешил, что она не только не боялась Тивуртия, но ощущала в душе усиленную бодрость, и это выражалось в ее игре на арфе. И хотя содержатель ночных шатров так же, как Тивуртий, не одобрял ее целомудрия, но его ночные посетители были сострадательнее к горю бедной арфистки, и монеты из рук их падали к ногам Тении, а она собирала их в корзинку, где у нее, в зеленых листьях, лежал

сухой черный сыр и плоды для детей.

Но не спала ночью не одна Тения, – не спал и Тивуртий-доимщик и придумал себе против Тении новые средства.

Глава восьмая

Тивуртий не мог выпустить из рук своих случая, который казался ему драгоценным, и препятствия, которые ставила ему Тения, только разжигали в нем желание достичь своей цели. Доставя Милию редкие фрукты и розового мормира, Тивуртий вызвался ему схватить Тению насильно и принести ее к нему, обмотав в египетский шелковый парус, но Милий был тонкий ценитель удовольствий и не хотел обладать ею насильно: он желал, чтобы скромная Тения сама подошла к его двери и сама положила ему на плечо свои руки и шепнула ему: «Я пришла возвестить тебе, Милий, что миг благосклонен и до зари я желаниям твоим буду покорна».

Тивуртий сдвинул толстые веки и отвечал: – Для меня это – излишняя тонкость, но, тем не меньше, я буду стараться: подожди еще с осуждением Анастаса, а я надеюсь сделать кое-что такое, после чего Тения должна будет скоро придти и сказать тебе: «миг благосклонен».

Чтобы преодолеть непреклонность Тении

и скорее довести ее до того, чтобы она согласилась исполнить желание Милия, доимщик Тивуртий рассказал о Тении всем заимодавцам Фалалея. Эти страшно рассердились, что Тения пренебрегает случаем с ними расплатиться за мужа, и пошли все к заключенному корабельщику и стали укорять его, говоря:

– Ты и твоя жена – самые бесчестные люди. Ты разорил нас и нарочно хотел приготовить нам впереди такое самое положение, какое сам нынче, по справедливости, терпишь, а жена твоя своим упорством оскорбляет вельможу, и ты, вместо того, чтобы ее образумить, еще и сам отказываешь в своем согласии на такое незначительное дело, какое переносили не чета тебе именитые люди. Ведь ты не Абрагам и не Ицгак, о которых из века в век вспоминают книги, а те сами и жены их покорялись обстоятельствам. Отвернись на короткий час к стене и вздохни, как бедняк, и мимо тебя совершится все к общему счастью: все мы будем счастливы, и ты будешь на воле, и снова увидишь друзей в своем доме и сядешь с женою своею и с детьми на берегу моря в тени сикоморы и на столе твоём будут аромат-

ные дыни, черноголовый зуй и розовый мор-мир. Дай же скорее свое согласие, чтобы твоя безумная Тения покорилась вельможе.

– Нет, – отвечал Фалалей, – я не разорял вас с умыслом и не буду счастлив, достигнув свободы через позор чистой Тении. Можете томить меня, сколько хотите.

Купцы были разгневаны этим ответом и закричали:

– Теперь мы еще яснее видим, что ты человек подлый и помышляешь только о себе об одном, а до других тебе нет дела! Ну, так не жди же и сам для себя от других ни малейшей пощады! Пусть с тобой как можно суровее поступает доимщик Тивуртий. Пусть на тебя нападут все недуги, живущие здесь со дней Ирода.

Фалалей отвечал:

– Пусть все это будет, но непорочность же Тении мне всего драгоценнее.

После этого раздосадованный Тивуртий подкупил темничного стража Раввула, чтобы он не допускал Тению до свидания с мужем, а сам написал некоторому своему знакомцу Сергию, откупщику общедоступных женщин

в Александрии, чтобы тот скорее привез в Аскалон несколько красавиц, умеющих играть на арфах, петь нескромные песни и танцевать сладострастные танцы с «исканьем осы, залетевшей в одежду».

Темничник Раввула первый исполнил то, чего желал от него Тивуртий, и когда Тения приходила, чтобы видеть мужа, он отбирал у нее пищу, ею приносимую, и передавал ее Фалалею, съедая сам что было лучшее, а Тению отгонял от дверей. Когда же она садилась неподалеку от входа в темницу и плакала, то Раввула порицал ее и говорил ей:

– Ты сама всему виновата: для чего ты больше всего гордишься своею чистотой? Это ведь значит, что ты себя одну только и любишь.

– Это неправда твоя, – отвечала Тения.

– Как же неправда? Ты имеешь возможность разлить ручьем счастье для многих, но для тебя ничего не стоит их жажда. Хороша ты, дочь жреца Анубиса. Да покроешься ты тиной и плесенью, как источник, заглохший в своем водоеме, а я сейчас войду и отягчу цепь на руках и ногах Фалалея и стану сте-

гать его по голому телу воловьёю жилой.

Положение Тении стало ужасно, а Раввула продолжал не допускать ее в темницу и в самом деле надел вдвое более тяжкие оковы на Фалалея и стегал его утром и вечером жилой, но и после этого и Фалалей, и Тения все-таки еще оставались непреклонны. Столько силы для перенесения бедствий они почерпали во взаимной любви друг к другу!..

Между тем подоспевал к Аскалону на пестрой триреме женский откупщик, александриец Сергей, которого вызвал Тивуртий, и привез в Аскалон тридцать красивых и смелых женщин, удивительно умевших «искать осу» и показывать другие, никогда еще здесь невиданные соблазны. Их новизна и их нестесненность должны были затмить Тению и сделать ее бесполезною в шатрах виноградных, а с этим вместе для нее прекратится и всякий доход. Да и Милий, – кто знает? – может увлечься «исканьем осы» и Тении самой станет жалко, чтт она упустила.

Глава девятая

Когда Сергей александриец и его доступные девы высадились на берег у Аскалона, Тивуртий сказал темничнику Раввулу, чтобы он снова открыл Тении доступ к мужу в темницу, а сам в тот же день ранее роздал всем содержащимся в темнице невольникам хлебцы с чернушкой и другими пряными зернами и сказал:

– Это вам посылает великодушный Милий, ипарх из Дамаска. Он бы еще больше хотел вашу облегчить участь и за многих из вас дал бы выкуп, но он болен, томится и не может придти сюда, чтобы вас видеть.

Колодники, приняв свежие хлебцы с чернушкой и другими пряными зернами, спросили:

– Чем болен Милий?

Тивуртий им отвечал:

– Болезнь ему причиняет строптивость приходящей сюда жены Фалалея, которая не в меру высоко о себе понимает и не хочет исцелить вельможную душу.

Узники закричали:

– Пусть во веки живет доблестный Милий и пусть придет всякое зло на строптивую Тению, жену разорителя многих, гордеца Фалалея.

И вдруг так все возненавидели Тению, что целый день вопияли вокруг Фалалея, а к темничным невольникам пристали и те, которые пришли навещать их, и всеобщее неудовольствие на Тению разнеслось по всему Аскалону. Особенно же проклинали Тению и Фалалея обедневшие через потопление его кораблей. На другой день все эти купцы и производители колесниц и ковров пришли в темницу к Фалалею большою толпой и стали говорить ему:

– Внемли же нам, Фалалей! Не будь безрассуден, согласись на то, чего алчет уязвленный страстью Милий.

От этой несносной доуки Фалалей томился хуже, чем от прежней неволи в то время, когда темничник Раввула не допускал к нему Тению. Теперь хотя Тения имела свободный доступ к мужу, но каждый приход ее в темницу вызывал из всех углов смрадной ямы такие вопли и укоры, что Фалалей и Тения тер-

зались ими и сами решили, что им лучше здесь не видеться.

Заметив такой оборот, доимщик Тивуртий подошел еще с одной стороны: он приступил к Пуплии, бабе, матери Фалалея, и сказал ей:

– Вот ты старая и опытная женщина, ты, конечно, не позабыла еще, как жили у нас, в Аскалоне, во время твоей молодости.

– Разумеется, я это помню, – отвечала Пуплия.

– Жены тогда почитали бесчестьем только обман, но когда не было обмана, они жертвовали собой Анубису, хотя и знали, что, вместо бога, их примет в свои объятия смертный. Отец Тении, жрец Полифрон, не раз, я думаю, совершал такие таинства.

– Да и я помню эти проделки Полифрона над нами. Мы узнавали во тьме, что не бог нас целует, а весьма страстный смертный, но стыдились о том говорить и молчали, а Полифрон продолжал это и успешно совершил над многими, что ему выгодно было.

– Ну, вот, видишь! И все-таки вы, несмотря на это, остались хорошими и честными женщинами?

– Что же делать. Мы примирились с тем, что было для нас неизбежностью, и дело кой-как обходилось.

– Вот только это и надо! Я рад, что слышу от тебя такие разумные речи! Я знал, что, имея опыт в жизни, ты непременно имеешь и здравый рассудок. Подумай же на что это похоже: сын твой томится в смрадной темнице, где он сгниет, а меж тем от жены Фалалея зависит, чтобы он получил свободу и чтобы вам воротилось все ваше именье.

– Может ли быть? От этих слов твоих у меня замирает мое старое сердце и слезы клубком подкатываются у меня к горлу. Расскажи же мне: что для этого надо сделать?

Тивуртий рассказал об исканиях Милия и об упорстве Тении: старая Пуплия всплеснула руками и начала горестно плакать и ворчать:

– Для чего... о для чего это уже не совершилось втайне?

Тогда Тивуртий ей продолжал:

– Я был уверен, что ты это скажешь! Всякая умная женщина, на месте Тении, давно бы так и совершила, а не поставила бы свою гордость в таком случае выше, чем счастье се-

мьи. Умная и добрая женщина, конечно, предпочла бы лучше сама немножко поплакать, но за то отереть слезы других, кого любит. Не правда ли?

– Правда, – ответила Пуплия.

– Так помогай же мне сделать умное дело. Ты ведь мать Фалалея; ты баба внучков своих Вирины и Витта, маленьких, бедных детей... Подумай, что ждет их? Фалалей истомится и умрет, – его источит закожный червь в темнице, дети возрастут без учения и ты умрешь без приюта, а стройное тело твоей гордой Тении согнется, и лицо ее поблекнет и никто на нее не захочет смотреть... Тогда она сама пожалеет о том, что теперь отвергает, и проклянет свою гордость. Быть может, даже сама когда-нибудь станет за полог шатра и будет трогать за локти проходящих незнакомцев и смотреть на них подкрашенными глазами, загиная свои руки за шею, но это будет напрасно и она не продаст никому за серебренник то, за что нынче готов осыпать ее златниками милосердный вельможа. О, будь милосердна к своим и к чужим, умная Пуплия, заставь скорее Тению ловить быстролетающий

час, пока молодая кровь делает Милия безумцем. Теперь он рабствует прихоти своего сердца и готов на все, лишь бы ему не отъехать в Дамаск, не изведав краткой ласки от Тении; но этот жар может потухнуть и другого такого случая уже не будет, а если он пропадет, то и тебе, и всем нам после того навсегда будет ненавистна проклятая гордость твоей невестки.

Пуплия молчала, глядя вдаль померкнувшими глазами, из которых на ее сторевшие от зноя щеки лились обильные слезы, а Тивуртий взял ее ласково за руки и закончил:

– Слезы твои, старуха, самого меня трогают, но и утешают: я вижу, что ты не ставишь счастье других ни во что, как делает Тения, и, наверное, направишь мысли Тении к тому, чтобы не считать свою чистоту большим благом, чем счастье многих.

Тут Пуплия баба вздохнула и отвечала:

– Слова твои, Тивуртий, страшно остры и едки: тяжело мне слышать, но ты отгадал: я согласна с тобою и буду уговаривать Тению, чтобы она не считала свою непреклонность за добродетель, потому что страдания наши

слишком несносны.

Доимщик Тивуртий еще похвалил Пуплию и отошел, довольный своим первым успехом, и отправился в виноградные сады, где теперь раскинуты были небольшие шелковые шатры и в них размещались стройные, разноцветные девушки, привезенные Сергием из Александрии. Старцы Аскалона собирались смотреть этих красавиц, рассуждали об их прелестях и пили вино, в котором плавали головки гвоздики; а Пуплия, как только дождалась возвращения Тении, положила ее усталую голову на свои колени и начала распускать мелкие плетения ее волос, склеенных вишневым клеем, и начала умолять ее сжалиться над страданием семейства.

– Что же ты хочешь? – спросила ее Тения.

Пуплия припала к уху невестки устами и прошептала:

– Иди к вельможе.

Глава десятая

Услышав такие слова от матери своего мужа, Тения ужаснулась и отвечала ей:

– От тебя ли о, Пуплия, могла я это услышать? Ты ведь мать Фалалея и должна бы поддержать мою твердость и верность супругу, а ты сама кладешь нож в мои руки и посылаешь меня убить в себе мой женский стыд и добродетель супруги. После этого я не должна тебя слушать.

Пуплия же ей отвечала:

– Ах, твердость и верность прекрасны, но горе слишком несносно. Если бы ты жила в прежнем довольствии, я никогда бы тебе таких слов не сказала, но когда всех нас ждет гибель, а ты можешь спасти нас, то я говорю: спаси нас, о, Тения!.. О, Тения, Тения! Спаси нас своею красотой!

И старая Пуплия упала перед ней на колени и покрыла своими седыми волосами ее ноги.

– Но ведь я люблю своего мужа и моя верность для него дороже всякого счастья, какое могу я купить этою ценой.

– Разве я тебе говорю, чтобы ты его не любила?.. Но ради этих детей, которых ждет доля презренных и нищих, если они тебе дороги, тебе должно быть не трудно принести себя в жертву.

– Не трудно... О боги! Это ли должна я услышать?

– «Не трудно» – я говорю потому, что и я, и другие, которых я знала, тоже любили и также имели стыдливость, но подавляли все это в себе, когда надобно было, в честь Диониса и богини Изиды.

Пуплия еще понизила голос и продолжала шепотом:

– У жрецов в храме Изиды был чудесный напиток... Он вовсе безвреден... от него только после... день или два немножко болит голова. Очень немножко... Я видела, как его делали из маленьких голубых грибов... этот напиток, отнимающий память... И в нем еще есть одно чудное свойство... Испивши его, ощущаешь объятья и ласки того, к кому сердце согрето любовью... Я знаю, где находить этот маленький губастый грибок, и его нашла уже и утомила его в горшочке... Он уже выпу-

стил сок свой, туманящий память... Ты будешь в тумане сладостно грезить до самого утра, а утром чуть свет я сама приду за тобою к дверям Милия, ты передашь мне золото и я побегу выкупить из неволи Фалалея, а ты пойдешь к морю, погрузишься вся в его волны, и, освеженная, придешь домой, встретишься с мужем и любовные мечты прошлой ночи станут для вас действительностью.

– Что говоришь ты? Что ты говоришь? – воскликнула Тения. – Неужели все это по-твоему можно?

– Без сомнения, можно, – отвечала, кивая головою, Пуплия, и еще раз помянула все, что приводил ей на память культ богини Изиды, и заключила вновь утешеньем, что сок из грибка, отводящего память, спасет ее от всего, что может помешать несмущенной искренности ее чувств к освобожденному мужу.

На это Тения уже ничего не нашлась ответить: она только собрала горстями наперед все свои волосы и, закрыв ими стыдом горящее лицо, застонала, произнося среди слез:

– О, я несчастная! До чего меня хотят довести все людские советы! Я уже не в силах по-

нять, как мне должно поступать, но мой стыд и любовь говорят, что я не должна согласиться на то, чему ты меня учишь.

– Грибок, отбивающий память, отведет в сторону стыд.

– Да, дай мне, дай скорее этого сока, отводящего память, чтобы я могла позабыть то, что я от вас слышу. Во мне мешается смысл: я погибаю оттого, что начинаю не узнавать, где лежит настоящий путь моих обязанностей.

– Если любишь себя больше всех, тешь свой обычай, а если любишь Фалалея и детей – пожертвуй им своею гордыней и отдай грибка, отводящего память.

– Я люблю Фалалея и потому-то я и хочу сохранить себя непорочной; но ты его тоже любишь и требуешь от меня, чтобы я для него согласилась войти к постороннему мужчине и остаться с ним под влиянием напитка, отводящего память. Как же это, и одно, и другое, – внушает любовь! Которая ж любовь истиннее и больше?.. Я дохожу до безумия! Просветите мой ум, старые или новые боги!

– Всякий скажет тебе, – отвечала Пуплия, – что та любовь больше, которая сама о себе не

думает. Мать любит больше жены!

– Больше!.. О нет! Никогда! Никогда! – воскликнула, стягивая себе горло волосами Тения, и с этим она встала, взяла свою арфу и пошла к виноградным шатрам, где еще надеялась получить что-нибудь за свое пение от корабельщиков. Но ее ждал здесь новый удар: девы Египта делали излишним здесь полное грусти пение Тении.

А в то самое время как Тения ушла из-под своего шалаша, к Пуплии пришел Тивуртий и стал ее расспрашивать: удалось ли ей сбить Тению? Пуплия ему рассказала все вплоть до последних слов: «Никогда, никогда», но Тивуртий этим нимало не смутился и отвечал сквозь улыбку:

– Ах, почтенная Пуплия, разве ты позабыла, что все влюбленные люди глупы, а ты не ослабевай и все стой на своем. Так капля долбит камень, и в древности некий мудрец подтвердил это примером. Он имел спор с человеком, который был глуп и упрям, и сказал: «никогда». Никогда – это глупое слово, и мудрец отвечал: «Никогда не должно говорить никогда». Продолжай свое дело и ты востор-

жествуешь.

– А я не надеюсь, – ответила Пуплия... – Тения слишком чиста, как камень белильный.

– Камень белильный! Что за беда – почернеет и камень белильный, если тихо, но долго по нем ударять и всегда в одно место. Она тебя уже слушает, это прекрасно: лишь бы только белее стало немножечко темнеть, а потом оно будет и синим, и желтым, и черным. «Никогда не надо говорить никогда». А надо вот что, – добавил он, склонясь к уху старухи, – надо спешить, чтобы Милию не наскучило ждать, и чтобы он с досады не открыл суд над Анастасом и не отбыл в Дамаск, прежде чем Тения скажет ему: «час благосклонен».

Пуплия дала Тивуртию обещание быть неотступною в своих требованиях у Тении и поклялась ему жизнью своею и жизнью внучат Вирины и Витта, и Тивуртий, добившись этого, пошел пировать в шатры Эпимаха, где в вечерней прохладе должны были показать себя в соблазнительном виде привезенные Сергием девы Египта. Пояс Тивуртия на всякий случай был полон блестящими златница-

ми и тут же был маленький мешочек с головками ароматной гвоздики, производящей волнение крови.

Глава одиннадцатая

Истерзанная разговором со свекровью, Тения шла хорошо знакомым путем к виноградным шатрам Эпимаха. Она гнулась под тяжестью арфы, шла спотыкаясь и не видя под собою дороги от слез. Тения тяжело страдала и думала: «Как я могу теперь петь после стольких тревог и терзаний? Какие сложу я слова и где найду в груди моей голос?» Но когда она вошла в виноградный сад, то увидала, что ей здесь нет уже и места. Сад был полон народа – здесь собрались теперь не одни мореходцы, а были и цветущие юноши, и многолетние старцы из самых почетных людей в Аскалоне. Одни выставлялись на вид, а другие лежали в кустах и оттуда пожирали взорами нубийскую деву, которая стояла на одном месте среди других таких же подруг, возлегших кругом ее цветною гирляндой. Все они были красивы, – брови их были тонко сложены и выведены в полукружье, веки подчернены, груди открыты, на шеях шевелились и тихо рокотали сухие, коричневые зерна, а ладони рук и подошвы ног окрашены

красною краской... Казалось, как будто из них шел огненный ток и самой земле от них делалось знойно... Поэзия слов и томная арфа были не нужны в этом собрание – и без арфы все были увлечены тем, что делали: все сидящие в кружок египтянки что-то совсем тихо пели, подражая жужжанию летающего насекомого, – хозяин танцовщиц Сергей также тихо подыгрывал им на однострунном ребабе; а танцовщица, стоявшая в середине круга подруг, содрогалась, беспокойно отгоняя то с той, то с другой стороны подлетающую к ней осу... Жужжание усиливалось, все чувствовали, как досадительно привязчивая оса кружила все ближе, и, наконец, впуталась в легкие одежды мимистки... Она вспрыгнула, изобразила испуг, от которого всю ее судорожно повело, и ее нервность сообщилась всем другим женщинам, – они привстали и замахали руками, сжимая в них маленькие кастаньеты, которые хрустели как кости... Оса все ныряла из одежды в одежду, и женщины, изгибаясь всем станом, так трепетали, боясь укушения осы, что их огненные пятки и пальцы ног вертелись подобно волчку, сливаясь в одну ог-

ненную точку, меж тем как девушки поспешно срывали с себя легкий покров за покровом, пока явились перед всеми совершенно нагие... В это же мгновение из куста или с лодки у берега моря раздался тонкий звук дудки лодочника, вмиг погасли огни, а с ними у всех разом затмилась стыдливость и обняла все налетевшая тьма из Египта...

К Тении в этой тьме подошел Сергей, грубо взял ее за плечи и, толкнув ее в спину, сказал ей:

– Удаляйся отсюда! – и, сорвав с ее плеча многострунную арфу, он бросил ее о пень сикоморы и арфа разбилась.

Тении стало нечем питать заключенного мужа и Вирину, и Витта, и Пуплию бабу. Так для нее настал день, когда все они с утра и до ночи остались вовсе без пищи.

В этот день Тения пришла навестить мужа с пустыми руками. Супруги, обнявши друг друга, сидели в темнице в глубоком унынии, но этим не кончились их муки. Тения напрасно закрывала уши, чтобы не слышать укоров, которые ей со всех сторон выкрикивали грубые невольники, помогавшие Тивуртию за

раздачу им хлебцев с чернушкой. Тении не надо было рассказывать Фалалею, как ухудшилось их положение: он сам все понимал и тихо сказал жене:

– Я чувствую довольно твердости, чтобы умереть с голоду, но ты будь вольна над собою: я больше не смею сказать ничего о тебе самой и о несчастных Вирине и Витте. Испробуй последнее: пошли их самих просить подаяния; Витт и Вирина красивы, а мать моя Пуплия так стара, что от нее уже пахнет могилой; когда они сядут втроем на пути к Газе или к Азоту и протянут свои руки, то, наверное, их пожалеют и бросят им зерен или хоть мертвую рыбу.

– Напрасно думать об этом, – ответила Тения, – все это уже испробовано: я их уже посылала, но никто ничего им сегодня не подал, все боятся ипарха и в угоду ему над детьми смеялись и говорили Вирине: «Кляни свою мать, зачем она вас не жалеет». Тоже и мать твоя Пуплия, – от которой уже пахнет могилой, но и она с тех пор, как я возвратилась с пустою корзиной без хлеба, проклинает меня и понуждает продаться вельможе.

При этом открытии Фалалей разорвал на себе свои лохмотья и сказал:

– Я не хочу ничего больше слышать! Не мучь меня, делай что можешь. Вон входит темничник Раввула. Темница сейчас будет закрыта.

Тения встала и вздрогнула, потому что в это мгновение в стороне темной впадины, где сидел злодей Анастас, вдруг загремели все его пять цепей и к ногам Тении что-то упало.

Тения нагнулась, чтобы поднять упавший предмет и нашла два хлебца с чернушкой. Тения тихо спросила:

– Кто ты, сострадательный человек, который два дня не ел свои подаянные хлебцы и отдаешь их несчастной? Скажи, какой веры ты, чтобы я могла молить за тебя твоего бога?

– Не вспоминай моего имени богу, – отвечал ей грубый голос Анастаса, – я не верю никаким детским сказкам, но ты надорвала мне сердце своим тяжким горем – в том только и дело! Уходи и дай своим детям по хлебу.

Тения не имела времени ему отвечать и хотела удалиться, но Фалалей, как волк, зацелкал зубами и, вырвав у нее хлебцы, стал

пожирать их с ужасной жадностью.

Тения закрыла руками глаза и убежала, чтобы не видеть, до чего страшный голод довел Фалалея... Ей стало страшно, чтобы сам муж не попросил ее выпить настоя грибка, отводящего память, и идти к Милию с ласковым зовом: «час благосклонен».

Глава двенадцатая

Это был вечер. Тения вышла за дверь темницы, но стала в раздумье. Прямее всего Тении было идти к ее детям, но придти к ним с пустыми руками значило только усилить их муки. Притом она избегала укоров обезумевшей Пуплии, которая проклинала невестку и в старческом бреде вопила:

— Где моя прежняя красота! Проклятье, зачем я стара и безобразна! О, если бы я понадобилась хоть чудовищу, которое живет в зеленой пучине моря, я бы не остановилась ни перед чем, лишь бы только избавить милого сына и детей его от страдания! Проклятье себялюбивой Тении!

Тении невольно приходило на мысль: если так твердят все и так чувствует и учит ее старая Пуплия, да и сам Фалалей, истомясь, стал ей говорить, что он с нее не снимает воли, то, в самом деле, права ли она, охраняя свое целомудрие с непреклонным упорством? Вот теперь холодные и голодные дети Витт и Вирина томятся с стынущею бабкой, а она, мать, даже не смеет к ним показаться. Ей нет и

приюта под крышей, а ночь холодна и по всему Аскалону вдруг распространилось неожиданное беспокойство. Милий, кажется, сделал большую ошибку – он слишком долго замедлил судить и всенародно казнить Анастаса. Пришли вести, что разбойники из Анастасовой шайки успели поправиться, собрались и рыщут вокруг Аскалона. Вчера и сегодня они опять уже многих ограбили и убили двух путников, шедших по дороге к Азоту и к Газе. Встревоженные этим, аскалонцы считали возможным, что ободрившиеся разбойники, при чьей-нибудь тайной помощи, проберутся, переодетые, в самый город Аскалон, нападут на темницу, выбьют дверь и уведут Анастаса, которого одно имя внушало всем содроганье. Темничник Раввула не ручался, что большой деревянный замок на дверях темницы может устоять перед силой многих отчаянных людей, которые станут напирать на двери, и он бросил аскалонских старшин, беспечно следивших в это время за тем, как под жужжанье и звуки кастаньеток ловят осу привезенные египтянки, и сел на ночь у двери темницы. Милий спохватился, но поздно: он велел,

чтобы с самых сумерек до утра запирали ворота Аскалона и чтобы по городу каждый час ночи посменно ходили дозоры. Эти дозоры должны были брать всех, кто ненадежен или возбуждает сомнение, все равно, – будет ли то христианин, или язычник. А как христианам казались подозрительными все нехристиане, а язычники с подозрением смотрели на всех христиан, то при встрече дозоров с кем бы то ни было из запоздалых на улицах и городских пустырях впотьмах происходили ссоры и схватки. Побоища эти часто сопровождались ранами и увечьями, а для женщин, кроме того, еще и насилиями. В эту пору в Аскалоне всякий почитал вправе на сожаление только своего единове́рца, а человека чужой веры считал достойным пренебрежения и не оказывал ему снисхождения.

Очутившись в темноте на улице, Тения все это вспомнила и содрогнулась. Положение ее было исполнено такого отчаяния, что если бы в эту минуту возле нее очутились отрок Евлогий или Тивуртий-доимщик, то, быть может, она им сказала бы: «Вы победили, я готова идти, к кому вы хотели меня отвести». Но, по

счастью, людей этих не было здесь, они вместе с другими смотрели, как ловят осу, и Тении оставалось выбрать между двумя опасностями: подвергать себя встрече с дозорами, которые могли настичь ее где-нибудь на городских пустырях, или же поспешить убежать за городские ворота и ночевать в траве оливковой рощи, среди которой было кладбище. Она выбрала последнее: ей лучше казалось провести ночь в тишине кладбища, и, к тому же, в уме ее пробудилось заложенное там с детства суеверие: у людей языческой веры, в которой выросла Тения, было в обычае, при больших недоумениях, вопрошать кости мертвых. Тения быстро пошла за городские ворота к оливковой роще, с намерением отыскать на кладбище, в песчаной долине, одну могилу, из которой торчал наружу провещательный череп, и спросить: как он ей скажет — она так и поступит. Все живые ее осуждают, все говорят, что не тот ключ благодетелен, который хранит свою чистую воду в своем водоеме, а тот, который разбегается далеко потоком и поит всех, кого томит жажда. Все эти доводы мутят в ней ясность сознания,

она сама не верит себе, что поступает как должно.

– О, скорее, скорее, я пойду – вопрошу кости мертвых!

И Тения быстро пронеслась по темным полям к оливковой роще, сокрывавшей кладбище.

Разбойников, бродивших вокруг Аскалона, по дорогам к Азоту и Газе, она не боялась. Почему они ей не казались страшны, – в этом она себе не давала отчета. Не Анастас ли один из всех в аскалонской темнице сберег и отдал ей для детей ее подаянные хлебцы с чернушкой? К тому же, на ней нет ни затканых золотом тканей, ни цепей, ни браслетов, ни драгоценного пояса, – одежды ее бедны и просты, с нее нечего взять. Во всем остальном разбойники ей не казались опасней, чем Миллий, Тивуртий, Раввула-темничник и даже сама свекровь ее Пуплия и, наконец, даже сам Фалалей, потому что и он, истомившись, стал алчен, как волк, и начал говорить ей такое, отчего ей до сих пор страшно.

Теперь вся забота для Тении заключалась в том, чтобы она в темноте не сбилась между

множества троп и нашла бы тропинку к оливковой роще.

Глава тринадцатая

Тения беспрестанно наклонялась, рассматривая тропинки, и не сбилась с дороги: она благополучно дошла до оливковой рощи, но едва вошла в нее, как увидала в купе деревьев сверкавший огонь от костра. Она притаилась и стала рассматривать, что можно увидеть при этом огне, и вскоре увидала двух человек, в которых сейчас же узнала разбойников. Оба они были совсем голы и грелись у огня, а возле них были поставлены у деревьев их копья с наостренными наконечниками, на блестящей поверхности которых отражалось пламя. Тения колебалась – идти ли ей вперед, или притаиться, но чуткий слух разбойников подсторожил ее приближение и они оба вскочили, бросились к дереву, за которым она укрывалась, схватили ее за руки, начали угрожать ей, что бросят ее на то раскаленное место, где горел их костер, и подвергнут ее пытке.

– Для чего же меня пытаться? – отвечала Тения. – Я сама расскажу вам, кто я и куда иду, и как я несчастна. – И она им все рассказала и

не промолчала о том, что получила кусок хлеба от Анастаса.

Слушая рассказ Тении, оба разбойника задумались и потом сказали:

– Мы за тебя отомстим, – мы два брата и оба разбойники – нас обоих изничтожил Тивуртий.

Тения им отвечала, что она не желает отмщения, а если им ее жалко, то она просит их проводить ее к кладбищу и помочь разыскать ту могилу, из которой выдается наружу провещающий череп.

– Вы здесь скрываетесь и бродите, – наверное вы его заметили. К нему ходят вопрошать его те, чье горе превосходит терпение и омрачает рассудок.

Разбойники, услышав эту просьбу, так страшно расхохотались, что им ответило лесное эхо, и суеверная Тения испугалась и, схватив разбойников за руки, сказала им:

– Вы были добры ко мне до сих пор, – не пугайте же меня теперь вашим страшным смехом. Скажите мне, видели вы или нет провещающий череп?

– Да, мы его видели, но не знаем, осталось

ли от него что-нибудь после нас на погляденье другим.

И разбойники несвязно и нескладно передали Тении, что они днем ходили на кладбище, чтобы пошарить в могилах, нет ли на каких-нибудь мертвецах закопанных драгоценных уборов... И кое-чем они нашли поживиться, но за то и поплатились испугом, какого в их храбром звании допустить над собой недостойно.

– Мы, – говорят, – заметили между острых камней следы человеческих ног и сказали себе: не мертвец же ведь этою дорожкой ходит! Пойдем-ка, посмотрим. Если там эти кости, к которым глупые люди приходят, чтобы их о чем-нибудь спрашивать, так там должны быть накинаны деньги. Пошли и нашли там что-то такое, что торчит наверху, точно ёж. Стали смотреть: это – череп, весь сухою кожей обтянут и пылью засыпан. Брат говорит: «Подними его; под ним должны быть монеты». Я его стал поднимать, но череп не поднимался... Я говорю брату: «Смотри-ка, он чем-то прикреплен». Брат говорит: «Покачай». Я его покачал... Он качается, а все-таки остается на

месте, да и мне что-то страшно за него трогаться, потому что он из могилы торчит... А брат говорит: «Экая глупость! Какой же ты после этого разбойник? Толкай его хорошенько из всей силы направо и налево, – заверти винтом навкруг и дерни – он оторвется». Я не хотел унижить себя в глазах брата и сделал как он мне сказал, и череп свернулся на бок, но прочь не оторвался. Тогда брат нагнулся вместе со мною и говорит: «Ну, давай потянем вдвоем», – и как потянули, так и упали, а в руке у каждого осталось по шматку сухой, сморщенной кожи, – похоже как древесная губка. Брат посмотрел и говорит: «Это мы ему уши сорвали». Оба мы испугались чего-то и оба стали к нему пригинаться и в него вглядываться.

– Ну, говори же, – зачем ты остановился?

– Я остановился затем, что я после того был хорошо пьян, а мне все-таки еще жутко... А у этого черепа были глаза!

– Не сгнили еще?

– Нет. Это были живые глаза, – они были подняты к небу и прямо глядели на солнце.

– На солнце глядеть невозможно... только

праведный, только святой взирает на солнце.

– Ну, так, может быть, это и есть святой или, по крайней мере, он был такой сегодня утром.

– Что же еще вы ему сделали?

– Мы ему ничего больше не сделали: мы убежали, но... впрочем, если он тебе нужен...

– Ах, он мне нужен!

– Так мы тебя к нему проводим.

Тения их поблагодарила, а разбойники взяли из-под корня старого дерева по большой светящей гнилушке и пошли через темную чащу и привели Тению на кладбище к тому месту, где в темном рве, среди каменной осыпи, была не то человеческая могила, не то дождевой просос или рывина, а когда разбойники стали водить над поверхностью его светящеюся гнилушкой, то и они, и Тения стали различать что-то едва заметное и не имеющее ни формы, ни вида, но страшное. Возможно, что это был ёж, а может быть и голова человека. Не разобрать, на что больше это похоже, но на самом деле это была голова, вся обшитая шкурою какого-то зверя. В обшивке прорезы для глаз, а над устами свесились

грязные космы.

– Это, наверное, тот, кого тебе нужно, – сказали разбойники, – и мы тебе не будем мешать с ним говорить.

Разбойники удалились, а бедная Тения осталась одна и позабыла слова, в которых хотела сказать вопрошение. Это так переполнило меру ее страданий, что она зарыдала и упала на камни, коснувшись лицом своим того, что считала за череп, и сразу же слух ее уловил какие-то звуки.

Глава четырнадцатая

В могиле был не мертвец, а в ней жил христианин, аскет и молчальник, старец Фермуфий. Он родился язычником, потом сделался христианином, а потом, по мнению многих, омрачился в рассудке, – он кинул дом, возненавидел плоть и заботы о жизни, закопал себя в яму и молчал. Уже несколько лет он ни одним звуком не нарушил своего обета молчанья. Он молчал, когда рвали его голову братья-разбойники, – молчал и тогда, когда Тения рыдала над его головою, не имевшей ни формы, ни вида; но когда Тения, совсем ослабев, упала и перестала плакать, обет его разрешился совсем мимовольно: Фермуфий-молчальник стал бредить... Это случилось в час перед рассветом, когда в воздухе пронесло утреннюю свежестью и за камнями кладбища в колючей траве чирикнула робкая птичка. Тения ободрилась, но, с тем вместе, ей показалось, будто все стало бредить. Может быть и она тоже бредила. Ей казалось, что этот ёж, эта голова, обшитая звериною кожей, шевельнулась... вот в ней под нависшею

кожей что-то шумит, подобно движению птицы, шевелящейся в листьях. Тения затрепетала от страха и не трудно понять, сколько ужаса должно было заключаться в этом для нее, которая не знала, что это закопан в земле молчальник Фермуфий, а думала, что видит перед собою мертвый череп. И вот мертвый череп вещает. Тения слушает. Вначале невнятно... все птица шевелится... Молчальник отвык говорить членораздельно. Но вот из уст его, завешенных звериною шерстью, начинают слышаться звуки, похожие на человеческий голос. Можно понять, что он бредит известною восточною притчей о двух мышках, белой и черной, которые точат ветку, торчащую из стены страшного обвала. На этой ветке висит человек... внизу под ним пропасть, над его головою другая – беспредельное небо... Белая и черная мышь все, чередуясь, точат... ветка лопнет... человек оборвется в темную пропасть... Сердце сжалось... руки слабеют... тошно... оставили силы... сейчас упадет... Мыши все друг дружку сменяют... все точат...

Птица совсем будто проснулась, она уже

не шевелится в густолиственных ветвях... она расправила крылья и выпорхнула на волю: слова становятся явственными.

– Вверх, вверх над собою гляди! – восклицает молчальник и продолжает тише: – Нет края здесь и нет края там, но вниз глядеть тошно, – вверху освежает...

Тения слушает; он продолжает:

– Ключ студеной воды бьет у предгорья... Струи его прозрачны и свежи... пустыня во-круг... зной... полдень... Кто-то несчастный бредет. Это воин усталый... Он видит воду, прильнул и утолил свою жажду... Зачем он так пил? охлажденная голова его вмиг отуманилась... Воин боится чего-то... он бежит, он даже оставил здесь наполненный золотом пояс... Приближается юноша... и его томит зной, и он чувствует жажду... Пьет... Забирает пояс с золотом и уходит... Тащится медленно старец... зной опалил и его... Старец тоже напился и здесь опочил... Горный источник! зачем ты поил их?.. Воин хватился, где его пояс и где его золото... Воин мчится назад, потрясая мечом... «Старец, – кричит он, – старец проклятый! Подай мне золото!» Старец не брал его

золота, – старец невинен... Воин не внемлет... Старец убит... Кровь его льется в ручей и чистый ручей замутился... Он больше не чистый ручей, – он кровавый ручей... Лучше б не тек он... Лучше б он не манул к себе воина, юношу и старца... Храни чистоту! Вверх гляди, вверх! – С этим ясность слова прошла, опять послышался шелест, подобный метанию птицы в ветвях, и голова, обшитая шкурою зверя, с шерстью, повисшей над прорезом для уст, вдруг исчезла, точно в могиле провалилось дно.

Преставился к богу молчальник Фермуфий, проговоривший пред смертью в бреду, без нарушения обета. Тения поняла из его бреда то, что ей надо было понять: она знает, что правда на ее стороне, а не на стороне тех, кто внушает ей «разлиться ручьем». Проклятие злему началу! Не надо начала, не один же ведь Милий только на свете... и не один только нынешний случай, когда придет надобность «разливаться»... И разве одни только свои семейные могут вынуждать это? Не все ли несчастные жалки? За несчастных должно не бояться страданья и смерти, но не иску-

пать их постыдными сделками. Нет! Выше этого, выше!

И только что она стала глядеть вверх, как в уме ее сейчас же стали слагаться совсем другие мысли. Кто других любит больше себя, тот их избавит всегда, когда хочет. Что ей Миллий, что ей доимщик Тивуртий, что ей Пуплия, что ей все те, кто кричат на нее в аскалонской темнице! Она теперь знает, что надо сделать, чтобы освободить Фалалея. Дух Тении вспрынул и нервы ее напряглись, как струны высоко настроенной арфы. На лице ее сияла ясно сознанная цель и твердая воля. Она встала, взглянула в лицо восходящей зари и проговорила:

– Незримый, живущий за пределами нашего взора! Я внутри себя слышу твой голос: ты укрепил дух мой, я отдам мою жизнь за друзей, но мой дух я возвращу тебе чистым!.. Мой муж, мои дети, я несу вам спасенье! Мне не нужно напитка, отводящего память!

Глава пятнадцатая

Тения возвращалась в город в бодром настроении. Красота ее, может быть, еще никогда до этого не была так благородна. Оливковая роща, в которой Тения провела ночь, давшую ей силы вдохновенной решимости, была на востоке от Аскалона, а потому, когда Тения приближалась к городу, лучи восходившего солнца освещали ее сзади и лицо ее было отенено, меж тем как ее стройный стан, покрытый бедною одеждой из синего полотна, и белый льняной покров на голове сверкали в сильном освещении. Аскалон был перед нею и она входила в него, как богиня, одетая бедною пастушкой, и не замечала, что Аскалон был в необыкновенном волнении. Здесь ожидалось теперь большое событие: оно вытекало все из тех же самых случайностей и имело целью предотвратить ужасную опасность: стало известно, что отчаянные друзья Анастаса издалека ведут два подкопа, из которых посредством одного хотят перехватить приток пресной воды в Аскалоне, а посредством другого пробраться в Иродову темницу

и выпустить из нее всех, кто в ней заключен.

Всем стало ясно, что Милий слишком долго поддавался любовным заботам и, по коварству Тивуртия, слишком долго передержал дело злодея Анастаса. Друзья Анастаса не утратили время даром и собрались вооруженными шайками. Минувшею ночью они подвинулись разом от Газы и от Азота и стали за одно поприще от Аскалона.

Темничник Раввула не спал всю ночь и с поражающей ясностью слышал подземные стуки – это удары киркой и лопатой. Нет никакого сомнения, что к темнице ведется подкоп, но откуда и в каком направлении он ведется – это неизвестно, а меж тем это необходимо было узнать и притом так, чтобы не показать народу, где есть опасность. Для этого была предпринята особая околичность, которая должна была одновременно вести к открытию, где ведется подкоп, и разом покончить с Анастасом так, чтобы в случае, если друзья его проберутся этою ночью в темницу, то чтобы они уже не нашли его в живых.

Такой способ заключался в том, чтобы *прожечь* аскалонскую темницу.

Что за церемония было это *прожигание*, как оно совершалось и к чему иногда вело, – это требует более подробного объяснения и для этого надо вкратце сказать, что такое были ужасные темницы Ирода, прозванного «Великим».

Глава шестнадцатая

В подземных темницах, подобных той, где были заключены злодей Анастас и муж Тении, Фалалей-корабельщик, не было почти никаких приспособлений для потребностей человеческих. Люди здесь спали, пили и ели на одном и том же месте, куда их бросили на гнилой тростник или на такую же солому. На этих самых местах они были прикованы кто к чему попало: одних приковывали к железным стенам, других к столбам, поддерживавшим своды, третьих к кольцам и рогулям, ввернутым в плиты, служившие полом. В некоторых из этих темниц была такая страшная теснота, что к одному кольцу приковывали на цепях не по одному, а по несколько человек. Такая теснота была и в аскалонской темнице.

Железные кольца здесь были вдоль всех стен в самом тесном одно от другого расстоянии, и то же самое было у всех столбов и по всему полу. В стычке каждой плиты было кольцо и в каждом из половых колец было приковано по четыре человека. Эти несчаст-

ные могли сидеть или лежать только скорчась, но и при этом еще здесь не уместались все, кого считали нужным томить в заключении: в длинном дощатом притворе с покатым полом, по которому надо было спускаться с поверхности в подземелье, лежали в два ряда старые корабельные мачты с выдолбленными прорезами и заклинками. В эти прорезы или пазухи вкладывали ноги невольника и заколачивали их клиньями. Колоды и клинья вполне заменяли железо и даже были гораздо терзательнее: в цепях можно было переменить положение ног, а забитый в колоду не мог ворохнуть своими ногами и они у него отекали, надувались и нередко трескались. Человек с ногами, забитыми в колоды, только едва мог привстать и опять сесть.

Такая лютая жестокость в содержании людей в старинных темницах оправдывалась тем, что при этих темницах не было, понынешнему, многочисленной стражи. Тогда за целость всех заключенных отвечал один темничник, которому не всегда даже полагался помощник. Помощь тюремщику тогда оказывал разве кто-нибудь из его же семейных.

Иногда такими помощниками были женщины, жены или дочери стража. Они входили в мрачные помещения заключенных, нимало их не боясь, потому что все содержимые здесь были крепко окованы или забиты ногами в бревна. Сирийские темницы, построенные Иродом, были хуже тех египетских темниц, где сидели виночерпий и хлебодар фараона. Тюрьма в Аскалоне была, как сказано выше, обширный, мрачный подвал, подобный тому, в каком при Ироде был долго томлен и без суда, в минуту пьяного разгула, зарублен Креститель. При таком содержании и без многочисленной стражи уходить было трудно, но в такие дурно устроенные темницы легко подкапывались.

Должность темничника была часто очень выгодною – он был полный хозяин темницы и мог обращаться с заключенными, как он хотел. За излишнюю суровость и даже жестокость темничника не судили, потому что, только обращаясь без милосердия, он и мог содержать множество заключенных в повиновении, не прибегая к пособию многочисленной стражи, но зато при такой тесноте и

при таких порядках, не допускавших возможности каждому невольнику покидать свое место, в иродовых темницах скоплялась отвратительная и ужасная нечистота, распространявшая тяжкое зловоние, от которого люди задыхались до смерти. Тростник и полусгнившая солома, брошенные в подстилку для невольников, сгнивали под ними, не перемениаясь по целым годам. В этом отвратительном смрадном болоте кишели белоголовые черви, мокрицы и большой серый клоп, а в трещинах плит гнездились пятнистые пауки, скорпионы и фаланги... Случалось, что умершего человека не скоро усматривали и он здесь же разлагался... Какие-то особые гады «выпивали глаза» у больных и умерших... Окон в темницах, построенных Иродом, было мало, и те самого незначительного размера. Темницы буквально были темны, а для того, чтобы проходило хоть сколько-нибудь свежего воздуха, во все время от восхода солнца до вечера двери темниц стояли растворены и у порога их сидел сам тюремщик или кто-нибудь из лиц его семейства. Двери всегда были одни и в них мимо тюремщика проходили

люди, которые посещали невольников и приносили им пищу. Это дозволялось, потому что составляло выгоду для темничника, который за то не кормил заключенных. В продолжение дня, пока двери были открыты, в темнице еще был какой-нибудь приток свежего воздуха, но когда, с приближением ночи, темничный страж уходил в свое помещение и дверь замыкалась на болты и засовы, воздух в темнице быстро спирался и заключенным становилось нечем дышать. Это было мучительно. В это же время вся живая нечисть, как серый клоп, скорпион и хвостатая мокрица, тучами вползали на тела невольников и точили их грязную и воспаленную кожу, отдаляя всякую возможность сна и покоя. Вместо ночного отдыха заключенные испытывали терзания, приводившие их в бешенство. Более счастливы были те, кто скорее впадал от этой муки в беспамятство и начинал бредить в безумстве...

С закрытием на ночь темничных дверей, во всю ночь из узких окошек этих ужасных подземелий раздавались неумолчные стоны и вопли, а порой слышался отчаянный крик и

бешенные проклятия, и цепи гремели, вторя проклятиям. Только под утро, когда силы изменяли несчастным, крики утихали и слышался скрип, как будто пилила тупая пила, — это был скрежет зубовой. Люди метались, попирая друг друга, впадали в тяжелый неистовый бред и это метанье был сон в тюрьме аскалонской. Нередко случалось, что темничник Раввула, отворив утром двери аскалонсксй темницы, находил здесь одного или нескольких человек задохнувшихся, но иногда он не замечал сразу, что они умерли, и почитал их за спавших или обмерших, потому что везде здесь были такие, которые, по открытии дверей, лежали долго без чувств. После того, как до них доходила струя воздуха из открытой двери, они мало-помалу приходили в себя, чтобы начинать ощущать другие терзания, составлявшие здешнюю жизнь.

При таких условиях темничные невольники коротали свои дни в муках отчаяния, впадая сколь в тяжкие, столь же и в отвратительные недуги. Только раз в год, а иногда и того реже, невольников выводили из темницы на один день и тогда они могли видеть небо и

солнце. Это случилось в неопределенное время, когда нечистота от сгнивших тростника и соломы достигала такой степени, что сам темничник ощущал невозможность приходить к невольникам. Тогда всех заключенных выводили в оковах, сажали их в старую негодную барку и отводили эту барку в море; а темницу набивали сухим хворостом и зажигали его, чтобы пропалить всю нечисть огнем.

Глава семнадцатая

Прожигание приносило серьезную пользу, а делали его так, что в дверь темницы напихивали огромные кучи смолистого хворосту и соломы и зажигали их, а сильная тяга воздуха, стремясь от дверей к отдушинам, в отдаленном конце раздувала огонь и пополяла нечистоту, которая здесь накопилась.

Огненный пал в темнице был живым и полным интереса событием для каждого жителя в Аскалоне. Это интересовало всех потому, что когда заключенных выводили из темницы и сажали на барку, можно было видеть всех, кто тут томился и какое страшное искажение природы произвела над ними неволя. При каждом прожигании ямы жители Аскалона сбегались сюда, как на самое любопытное зрелище, и толпились, желая узнать в числе несчастных узников людей, им когда-то знакомых и, может быть, давно позабытых. Зрелище это было ужасно, но еще ужаснее было то, что выводили не всех. Существовало основательное убеждение, что перед палом в темнице забывали тех, кого хотели

избыть безотложно. Все в Аскалоне верили, что будто при каждом пропаливании темницы там всегда кого-нибудь сожигают живого, и устроить это, в самом деле, ничего не стоило, и это, действительно, делали с тем, с кем надо было кончить немедленно. Этим теперь и захотел воспользоваться темничник Раввула. Услыхав встревоживший его стук под землею, он пришел к Милию и сказал ему:

– Господин, вот ты сделал большую ошибку: напрасно ты медлил судить Анастаса. В этой ночи я слышал стук под темницей. Темница подкопана, и я не знаю, где идет этот подкоп. Каждый час угрожает бедою: Анастаса могут отковать и увести. Отвечай за него ты, а я его сторожить не берусь.

Милий испугался и вскричал:

– Неужто нет средства отвратить эту неожиданность и кончить раньше, чем они подкопают?

Раввула посмотрел на него исподлобья и тихо ответил:

– Для всякой вещи есть средство, но тому, кто его знает, надо хорошо платить.

Милий тотчас же позвал Евлогия отрока и,

взяв много золота из кистей доброхотных даяний, метнул его, не считая, Раввуле. Раввула взял золото и сказал:

– Дай мне сейчас повеление выжечь гадов в темнице. Милий ответил:

– Повелеваю тебе именем императора. Иди и сделай это, как нужно.

Но Раввула еще стоял и, встряхнув на руке золото, тихо промолвил:

– Анастас ли один нарушает покой моего господина? Милий бросил ему еще золота и сказал:

– Ты довольно разумен: Анастас не один человек, мне ненавистный. Есть еще там другой, – имя его тебе скажет доимщик Тивуртий.

– Знаю я сам это имя, – ответил Раввула и вышел.

Это произошло в то самое утро, когда Тения шла на заре из оливковой рощи и, ничего об этом не зная, удивлялась заметному большому движению людей, которыми овладело любопытство и волнение при известии, что сегодня будут выводить на барки узников и прожигать темницу.

Глава восемнадцатая

Пал, однако, нельзя было сделать в одну минуту без приготовления всего, что к тому нужно: надо было иметь смолистый хворост и солому, и просторные барки для того, чтобы разместить на них выведенных узников. Чтобы припасти все это, нужно было, по меньшей мере, полдня времени. Подвоз хвороста был первым знаком того, что темницу будут выпаливать. Темничник Раввула как только вышел от Милия, так сейчас же велел согнать всех дроворубов для приготовления хвороста, а когда те пошли рубить хворост, жители Аскалона узнали, что предполагается пал, и устремились толпами к темнице, чтобы видеть, когда будут выводить на барки невольников.

Это и было то тревожное движение, которое заметила Тения, идучи утром в темницу, чтобы навестить Фалалея.

Путь же Тении отсюда пролегал по улице, где помещался дом, занятый для вельможи Милия, и случилось так, что когда Тения проходила мимо этого дома, то ее увидал Милий и, схватившись рукою за сердце, воскликнул:

– О, как она исхудала и как изменилась! Но и в этом страдальческом виде она еще мне прелестней! Позовите ее – пусть она взойдет ко мне на минуту.

Бывший в то время у Милия доимщик Тивуртий выбежал к Тении и, остановив ее за рукав, заговорил ей:

– Сами боги привели тебя сюда, прекрасная Тения. Заклинаю тебя твоими детьми Вириной и Виттом, не спеши удаляться от дверей этого дома, где для тебя готова всесильная помощь. Взойди вместе со мною и я тебе отвечаю, что ты выйдешь с повелением в руках освободить Фалалея!

Тения отвела руку Тивуртия и отвечала:

– Я не нуждаюсь ни в чьем повелении; я сама освобожу Фалалея.

– Ты сама возвратишь отца твоим детям? Подумала ли ты, что ты сказала?

– Да, я обдумала все и я это сделаю. Фалалей будет сегодня свободен!

– Нет, ты говоришь это в безумии. Кто же откроет ему двери темницы?

– Я сама перед ним растворю эти двери.

– Ты, верно, видела белого ворона и поте-

рляла рассудок.

Тения улыбнулась и молвила:

– Да, я видела белого ворона, но мой рассудок со мною.

– Не трать лучше попусту времени. Фортуна недаром привела тебя к дверям Милия... Войди и скажи короткое слово: «миг благоклонен». Иначе... конец твоему Фалалею.

– Концы и начала не в наших руках.

– Однако, если Раввула сегодня сделает огненный пал и забудет твоего Фалалея в темнице, то конец его неизбежен.

Тения побледнела и пошатнулась на месте, но не издала даже ни вопля, ни стона и твердо пошла своею дорогой к темнице, а Тивуртий, с пеной у рта, бросился к привязанному у столба осленку, сел на него и, страшно бранясь, поехал, колотя из всей силы животное палкой.

Тения даже не интересовалась, куда так спешит ее враг; она никого не боялась: она знала, что никто не выдумает ничего более страшного и более решительного, чем то, что сама она придумала и на что решилась.

Это было такое решение, в котором ей по-

мешать было невозможно.

Глава девятнадцатая

В самой темнице волнение было еще сильнее, чем по дорогам и в городе. Событие, о котором узнали узники, было для них слишком важно, – всем хотелось увидеть горы, море и небо, и притом каждого втайне тревожила страшная мысль: как бы его не позабыли вывести перед началом пала. Всюду слышалось громоуханье цепей и крик множества надтреснутых и хриплых голосов. Посетителей в темницу тоже набежало более чем обычно. Пыль отвратительной плесени и несносный смрад наполняли весь подвал от пола до сводов, на которых теперь, как бы чувствуя бедствие, кучами сели клопы, меж тем как в расщелинах половых плит шурша переползали друг через друга скорпионы.

Окованные и неокованные люди плотно стояли друг возле друга. Тения едва могла протесниться чрез эту плотную толпу недоброжелательных к ней людей, которые, как только ее увидали, сейчас же стали кричать:

– Вот она, вот эта проклятая, ненавистная женщина! Муж ее всех разорил, а она не хо-

чет сделать пустого дела для общего спасения! Мало ее растерзать!

– Да, – кричали другие, – они оба изверги! Ее муж хотел быть всех богаче для того, чтобы быть всех добрее, а она хочет быть всех чище и оставляет других гнить в смраде.

– Ничего; за то сын ее Витт вырастет вором, а дочка Вирина будет продавать себя в пристани.

– Проклятый Фалалей! Проклятая Тения!

Не довольствуясь этими грубыми проклятиями, узники язвили ее еще бесстыдными насмешками над ее целомудрием.

Тения все это слышала и молчала. Она к этому привыкла, потому что так обыкновенно ее здесь приветствовали. Тения спешила теперь как можно скорее отыскать своего мужа и нашла его лежащего ниц возле кольца, к которому он был прикован. Он был без чувств, и другие в темноте беспрестанно на него наступали.

Когда Тения своими попечениями привела мужа в чувство, он сначала совсем не узнал ее и смотрел молча в тупом равнодушии, но потом стал говорить, что Равву-

ла-темничник, наверное, хочет позабыть его в темнице, но что он к этому приготовился и даже предпочитает скорую смерть долгой истоме.

– Я доставлял тебе слишком много хлопот, и все это напрасно, – отдай лучше всю свою нежность детям нашим Вирине и Витту.

– Ты больше им нужен, – отвечала Тения. – Я слаба силами – я не умею трудиться и не умею приобретать им, что нужно.

Фалалей покивал головою и молвил:

– О, ты ошибаешься! Ты только и можешь дать им, что нужно. Ты умела быть всем довольна, – вот это и есть то, что нужно и что дает счастье, а я был жаден к приобретению богатства, – это то, что не нужно и в чем сокрыто несчастье жизни. Я за это страдаю.

– Твои страдания сегодня окончатся.

– Знаю, что окончатся, потому что меня сожгут здесь.

– Нет, тебя выпустят.

– Почему меня выпустят?

– Потому, что не для чего держать в неволе того, от кого нечего добиваться.

– Что ты хочешь сказать? – вскричал Фала-

лей. – Неужели отчаяние дало тебе мысль убить себя?

– Отчаяние давало мне много мыслей, которые хуже чем мысль убить себя, но теперь я не хочу убивать себя: я останусь жива и все, что здесь затеяли сделать на погибель людей, будет не нужно.

– Что же ты сделаешь?

– Ты это увидишь... об этом не надо говорить.

С этим Тения быстро встала и совершенно неожиданно очутилась у лаза в прокаженную яму, и через мгновение она была бы уже там, но в это же самое мгновение зазвенели цепи Анастаса и его скованные руки обхватили стан Тении.

– Стой! – прошептал он ей на ухо, – стой! Я понял, что ты хочешь сделать, но это не нужно. Я возвращу тебе мужа и отца твоим детям иначе. До полудня есть еще время. Беги скоро за город, по дороге к Азоту. Там, где у старого храма Изиды две пальмы... под той, которая вправо, среди мелкого щебня, лежит серый камень, похожий на свернувшегося теленка... Он тяжел для твоих сил, но ты возьми чере-

пок и копай им под угол, похожий на морду. На глубине третьей пяди найдешь медный казан... Он полон золота. Ты такая добрая и верная, что мне тебя стало жаль, а я еще не знал, как жалеют... Я не знал... как отрадно жалеть человека... Возьми за это себе мое золото и выкупи мужа. Беги же скорее, беги!

Слушая это, Тения стояла, напрягаясь, как эластичный лук, и едва Анастас произнес ей последнее слово, она отпрыгнула, как стрела с тетивы, и понеслась к Азоту.

Глава двадцатая

Меж тем как Тения мчалась по дороге к Азоту, в аскалонской темнице неожиданно разыгрались потрясающие события.

Началось с того, что вскоре после того, как скрылась за кладом Тения, в темницу вошли доимщик Тивуртий и Раввула-темничник. Оба они пришли со злодейскими намерениями и прямо подошли к Фалалею и, ничего ему не говоря, начали его отклепывать от кольца его цепи.

Фалалей взволновался и со слезами спрашивал их, что они хотят с ним сделать?

А те ему отвечали:

– Мы хотим посадить тебя в прокаженную яму. Пусть твоя Тения примет тебя оттуда в свои объятия.

– Лучше сожгите меня, – стал умолять Фалалей.

– Мы сами знаем, что хуже и что лучше, – отвечали Раввула и Тивуртий, и поволокли его к яме, не обращая никакого внимания на его ужасные вопли. И из всех узников, которые слышали эти вопли, никто за Фалалея не

заступился. Так все боялись, что им оплатит Раввула, но когда, после изрядной борьбы, Фалалея протаскивали мимо Анастаса-злодея, то произошло никем неожиданное событие. Чрезвычайно сильный злодей Анастас ударил своими оковами по головам Тивуртия и Раввулу так, что они упали, и он сжал и пропихнул их в прокаженную яму: И Тивуртий, и Раввула кричали, а Анастас угрожал убить их, если они полезут назад.

В темнице поднялся страшный бунт и дали знать Милию. Милий тотчас надел свою красную тогу и, взяв с собою отрока своего, скорописца Евлогия, отправился с ним в темницу, но был в недоумении, ибо теперь и сам он не знал, что ему делать.

Скорописец же Евлогий, идучи у плеча Милия, сказал:

– Смею ль спросить моего господина, что ты намерен сделать, когда мы вступим в темницу?

Милий остановился и, взглянув на него, ответил:

– По правде сказать, я еще ничего не придумал.

– Однако, кому ты будешь мстить и за кого заступаться?

– Скажи лучше, что ты имеешь на мыслях, ведь за хороший совет тебе может быть хорошая плата.

– Оставь Раввулу с Тивуртием там, куда они попали. Иначе они в проказе будут против тебя свидетелями и император, и сама Феодора тебя не похвалят.

– Но куда ж мы их денем?

– О, господин мой! Огонь ведь все очищает. Надо только не медлить... Кого ты назначишь тюремщиком вместо Раввулы?

– Если хочешь, я тебя назначаю.

– Я тебе благодарен и через малое время докажу тебе делом мою благодарность.

Перемолвясь так, они подходили к темнице, у входа которой нашли уже приготовленные кучи хворосту и толпы народа.

Евлогий, увидя людей, выступил вперед и сказал:

– Граждане аскалонские! посторонитесь и откройте путь благородному Милию, который идет наказать виновных в беспорядке и защитить тех, кто страдал от жестокости сме-

ненного темничника Раввулы и сотоварища его, зверонравного доимщика Тивуртия. Теперь, волею господина моего Милия, я буду совмещать обе их должности и в темнице настанет новый порядок.

Толпа раздвинулась и открыла дорогу ко входу, но в это же время явилась Тения.

Несмотря на то, что день был страшно зноен и раскаленные скалы еще более увеличивали жар в воздухе, слабая и измученная Тения быстро достигла развалин, указанных ей разбойником Анастасом, раскопала в сказанном месте щебень – достала сокровище и сейчас же опять пустилась с ним обратно в город. Она пришла в тот самый миг, когда Евлогий сказал свою речь и когда Милий хотел вступать в темницу. Золота было много, но Тения его не весила и не считала, а все, сколько там было, бросила к ногам Милия и сказала:

– Вот тебе выкуп за моего мужа и за всех, кого здесь терзают. Пусть это возьмут те, кому эти люди должны, а ты сейчас же выпусти заключенных на волю.

Милий пришел в изумление и не знал, что

ответить, но Евлогий шепнул ему:

– Дорожи собою; в такие минуты ты должен показать беспристрастие народу.

Золота же было здесь более, чем на тройную цену против всего полного долга Фаладея.

– Откуда взяла ты такое богатство? – спросил Евлогий у Тении. – Здесь достанет на выкуп всех, кого содержат за долги в аскалонской темнице, но действительно ли ты отдаешь это все за других?

Тения отвечала, что она достала золото из земли и хочет, чтобы все, кого томят за долги, были сейчас же отпущены.

Милий приказал взвесить золото и выпустить должников на свободу. А Евлогий, ставший разом вместо Тивуртия доимщиком и вместо Раввулы тюремщиком, позвал кузнецов и расковал всех, кто содержался в тюрьме за долги. Злодеев же и убийц вывел на барку и послал на торг купить для них пищи и свежее платье, и мягкой кожи с шерстью, чтобы подвернуть под оковы на тех местах, где железо проело до кости.

Во все это время в темнице стоял страш-

ный шум и никто не слышал стуков подкопа и криков Раввулы и Тивуртия и заслонившего лаз к ним телом своим Анастаса. Всякому тут было теперь самому до себя.

Первого выпустили на свободу Фалалея, и Тения тотчас же удалилась с ним, обнимая его одною рукой, а другою поддерживая на голове корзину с купленною пищею. Когда увидела их Пуплия, она подумала, что Тения, наконец, поступила, как желал Милий, и после радостного свидания с сыном посадила на колени к нему Вирина и Витта, а невестку отвела в сторону и похвалила ее за послушание.

Тения же в ответ ей улыбнулась и тихо ответила:

– Не хвали меня, почтенная Пуплия, я твоего совета не слушалась и не стою твоей похвалы – золото дал мне не Милий вельможа, а злодей Анастас.

Старая Пуплия ужаснулась и, всплеснув руками, спросила:

– Анастас! Милосердные боги! Для чего же ты предпочла его грубые ласки ласкам Милия, и где взяла напиток, отводящего память?

– Мать Фалалея! – отвечала ей Тения, – я не

отдавалась ничьим ласкам и мне не был нужен забвенный напиток, но я не теперь расскажу тебе все, что со мной было. Теперь мы оставим Фалалея радоваться, лаская детей, а сами давай скорей вскипятим воду и сварим для всех изобильную пищу, и тогда, когда сядем все впятером, как мы давно не сидели, и все насытимся, я расскажу вам подробно, что мне пришлось перенести и как это случилось, что в руках моих очутилось золото Анастаса без напитка, отводящего память.

– Нет, уж ты, бедная, лучше об этом забудь. Но Тения снова улыбнулась и ответила:

– Мать Фалалея! Злодей не требовал от меня ничего такого, о чем ты думаешь и о чем мне желаешь забыть. Я хочу обо всем этом помнить и буду всем говорить, чтобы все люди знали, что сделал мне Анастас, и нашли для него у себя сожаленье.

И сделалось так, как хотела Тения. Когда пища была готова и ошастливленная семья насытилась, Тения рассказала свекрови и мужу, как она изнемогала в борьбе, что видела ночью в оливковой роще, как шла назад и повстречалась с Тивуртием, и за что Анастас ее

похвалил и указал ей склад, отданный ею в выкуп за всех должников.

При этом Тения пролила слезы об Анастасе, и это было как раз в то время, когда его надо было оплакать, ибо в это самое время в аскалонской темнице свершилось последнее и самое бесчеловечное дело.

Глава двадцать первая

Когда узники были выведены, темницу набили хворостом и скорописец Евлогий бросил туда горящий факел, а ветер подул и сквозь весь хворост пробежало трескучее пламя. В дыме этого пламени задохнулся злодей аскалонский, но он погиб не один. Люди, которые оставались там до конца, видели, как Анастас показался в окне прокаженной темницы. Он сорвался с цепей и потрясал, задыхаясь, решетку в окошке... За спиной его видели лица ревевших Тивуртия и Раввулы; но треск пламени заглушал ил рев и проклятия. Евлогий же от имени Милия не допускал никого к этому окну и сами они оба стояли вдвоем у окошка, пока все было кончено. Анастас их узнал и, плюнув на красную тогу Милия, прокричал так громко, что все могли слышать:

– Ты самый лютый злодей аскалонский!

И когда он это вскричал, сквозь толпу провались два никому неведомые человека. Оба они были наги, но с ножами при бедрах, и среди общего смятения они кинулись на Ев-

лодия и на Милия, и у всех на глазах зарезали их, а за ними приспели такие же другие, в числе больше как двадцать, и бросились тушить огонь, пылавший в темнице, но погасить его было уже невозможно. Анастас и Тивуртий с Раввулой сгорели и как ни смелы были отчаянные разбойники, проникшие в город, чтобы спасти Анастаса, но и они не могли войти в полную пламени яму. Они только насытили свое мщение убийством Милия и его скорописца. Разбойников этих не поймали, потому что на граждан Аскалона напал страх, все думали, что разбойников вошло несметное множество, и все побежали защищать свои дома и семейства. Притом же, сожженный живым Анастас возбудил к себе жалость, а Милий всеобщее презрение.

Глава двадцать вторая

Рано удалившаяся с мужем Тения не видала всех ужасов этой развязки. День для нее протек как одно мгновение. Перед вечером Фалалей отправился на море мыться, а Тения, обняв детей, сидела у берега и смотрела вслед отходившей красивой расцвеченной триреме, на которой гудел египетский ребаб и пели хором молодые женские голоса, а на возвышении, покрытом яркою индейскою тканью, молодая нубийка ловила осу, как будто дразнила Аскалон на прощанье.

Это Сергей, испугавшийся беспорядков, отплывал с своею трупой обратно в Александрию.

Пуплия в это время ходила в город, чтобы купить просторный полосатый шатер, где бы семейство могло поместиться лучше, чем оно помещалось в убогом шалаше. Пришедшие с Пуплией шатерщики, раскидывая чистую палатку с поперечными каймами красного и синего цвета, рассказали Тении, что произошло, и когда она услышала о гибели Анастаса, то вздохнула и сказала им:

– Все не напрасно его сожалеют: он сделал много зла, но не угасил в сердце своем сожаления; а кто умеет жалеть, тот еще не мертв для доброй жизни и сам сожаления достоин.

И она опять рассказала, каким подвергалась искушениям и уговорам от самых почетных и близких людей, а в заключение сказала:

– Я не хочу их укорять, но удивляюсь, отчего было все так, что те, которые очень заботились о жизни, те все подавали мне дурные советы – не постоять за мое целомудрие, а поддерживали меня только два человека – и это как раз были те, которые сами более жить не думали: один был отшельник в могиле, а другой – обреченный на смерть Анастас. За встречу с этими двумя, не дорожившими жизнью, я благословляю милосердное небо и молю его дать им вечную жизнь.

Шатерщики, услышав такие слова, поникли головами и в молчании окончили свою работу: уладили пол под шатром, очертили место для обеда и усыпали это возвышение узорами разноцветного песка, придавшего вид цветного ковра.

Возвратившийся в эту пору Фалалей тоже слышал сказанные Тениею слова, и когда шатерщики, получив свою плату, ушли в город, а Пуплия повела детей, чтобы вымыть их в пресной воде пенистым греческим мылом и потом уложить их спать в новом просторном шатре, корабельщик сказал жене:

– Я заметил твои слова о разнице между теми, которые дорожат жизнью, и теми, которые не дорожат ею. Это замечание остро, и, знаешь, я слышал когда-то совершенно такое в Дамаске от того, кто мне говорил о моей новой вере.

– Что же он говорил?

– Он читал, что «кто сильно любит жизнь, тот ее теряет, а кто не дорожит ею, тот ее не только найдет для себя, но и может дать силу жизни другому».

– Это прекрасно, но для чего же ты мог это забыть и думал о том, как бы получить себе всего как можно больше?

Фалалей подернул плечами и, глубоко вздохнув, ответил:

– Я испортил себя, когда прикоснулся к богатству, – богатство есть тоже напиток, отби-

вающий память: желая богатства, нельзя не забыть об истинном благе.

– А я всегда это знала, – тихо продолжала Тения.

– Но кто же тебе это открыл?

Тения взяла руку мужа и положила ее себе на сердце, а другою своею рукою указала тихо на небо.

Они оба задумались; вечер уплывал, синева моря густела, – наступала прохлада и ночь.

Тения встала, взяла в ладони свои лицо мужа и, глядя ему в глаза, сказала, что идет приготовить к ночи шатер.

Фалалей остался один и сидел, обхватив руками колени. Он глядел то на звездное небо, то в темную даль безбрежного моря. Все это для него теперь было обновлением жизни, и он чувствовал себя самым счастливым человеком, которому нечего больше желать. Он весь проникся благодарностью и глаза его овлажились благодатными слезами, и сквозь них он увидел снова свою целомудрую Тению, которая, окончив уборку шатра, распахнула его входную полу и, поддерживая ее обнаженными по самые плечи руками, назвала

его имя и добавила шепотом:

– Друг мой, иди, – час благосклонен.

1889 г.